

Андрей Чернецов

Владимир Лещенко

Чародей на том свете

**Бороться! Искать! Найти!
И перепрыгнуть!!!**

Владимир Лещенко
Андрей Чернецов
Чародей на том свете
Серия «Чародей», книга 2

Фензин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126381

*Андрей Чернецов, Владимир Лещенко Чародей на том свете: Альфа-
книга, Армада,; Москва; 2005
ISBN 5-93556-479-3*

Аннотация

Тихая, благополучная Москва взбудоражена сообщением о таинственном объекте, некоем механизме Древних, с помощью которого можно свободно перемещаться в пространстве и времени.

На поиски его снаряжается научная экспедиция. В ней принимают участие выпускник Института космической археологии Даниил Горовой и его верный друг Упуат, неизвестной породы говорящий пес – этакая «сладкая парочка», которой очень интересуются представители инопланетной шпионской сети, действующей в столице. Да и сами столичные спецслужбы не оставили без внимания неожиданную находку и срочно разрабатывают операцию под кодовым названием «Золотой Чум».

Пути всех заинтересованных сторон пересекаются, что приводит к самым неожиданным последствиям. Наши герои побывают даже на том свете (в буквальном смысле слова!) и, что самое удивительное, благополучно вернутся на родную Землю. Но сколько же опасных и увлекательных приключений им придется пережить!

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
Глава вторая	32
Глава третья	53
Глава четвертая	76
Глава пятая	97
Глава шестая	114
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Владимир Лещенко, Андрей Чернецов Чародей на том свете

*Воистину, кто перейдет в загробное царство –
Будет живым божеством,
Творящим возмездье за зло.
Воистину, кто перейдет в загробное царство –
Будет в ладье солнечной плыть,
Изливая оттуда благодать, угодную храму.
Воистину, кто перейдет в загробное царство –
Будет в числе мудрецов, без помехи
Говорящих с божественным Ра.
Спор разочарованного со своей душой*

Часть I ЗОЛОТОЙ ЧУМ

Глава первая ОН НАШЕЛСЯ!

- Итак, вам все же удалось его обнаружить?
- Так точно, Старший!

– И что вы намерены предпринять?

– Собираюсь действовать согласно ранее разработанному плану.

– Прекрасно, Охотник. Держите меня в курсе всех событий. На сей раз он не должен уйти от возмездия. Да пребудет с вами Великий Дуат!

– Если бы я знал, – проворчал Упуат, – что в вашей стране не только пиво отвратительное, но и погода самая что ни на есть мерзопакостная, ни за что не вляпался бы в подобную авантюру!

Инопланетное существо, еще полтора месяца назад... (впрочем, каких там полтора месяца, правильнее сказать, пять тысяч лет) бывшее одним из главных представителей многочисленного древнеегипетского пантеона, никак не могло привыкнуть к суровому российскому климату.

– И средства передвижения у вас допотопные! – прибавил волчок, уныло глядя в иллюминатор.

«Ага, прямо-таки ступа Бабы-яги!» – мысленно огрызнувшись Данька, окинув взором салон сверхсовременного авиалайнера, совершавшего рейс «Москва – Тура».

Однако вслух парень говорить ничего не стал. Чувства четвероногого приятеля были ему ох как понятны. И сам ведь совсем недавно, что называется, побывал в его шкуре...

Да уж, было дело под Полтавой. Или, вернее, под Мемфи-

сом.

Не думал не гадал студент-выпускник Института космической археологии Даниил Сергеевич Горовой, что накануне защиты диплома некие неведомые силы забросят его из Москвы XXII века в Древний Египет времен фараона Хеопса. А ведь всего-то процитировал вслух древнее заклинание, обращенное к звероликим персонажам египетской мифологии. И вот результат – один из них, большой черный говорящий пес (сильно смахивающий на волка) по имени Упуат, стал спутником и Проводником парня в этом удивительном мире, где развернулась борьба двух могущественных инопланетных рас – нетеру (которых египтяне обожествовали) и таинственных акху. В эти-то разборки и был втянут Данька, каковому, согласно тайному плану, вызревшему в божественных умах Гора со компанией, отводилась роль третейского судьи.

Чего только не довелось пережить лихой парочке в их скитаниях по Та-Мери, Земле Возлюбленной. По личному заданию владыки Египта они отправились на поиски царского архитектора Хемиуна, исчезновение которого поставило под угрозу сооружение знаменитой пирамиды – первого из чудес света. Ну а попутно освободить из плена Владыку чисел и письма – птицеголового бога Тота, сразиться с полчищами жутких монстров, сконструированных в тайных лабораториях акху. И, конечно, спасти мир от гибели – как же без этого?

В результате всей этой чехарды зверо – и птицеликие по-

кровители Та-Мери стали жертвами собственного же коварства. Им пришлось убираться с планеты людей восвояси, уступив контроль над Землей Просветленным, обязавшимся не вмешиваться в ход истории человечества и быть лишь беспристрастными ее наблюдателями.

Упуат же, которому на родине из-за срыва операции грозили серьезные неприятности, не захотел стать козлом отпущения и выбрал для себя иной путь. Вслед за новым другом он с помощью древнего приспособления, позволявшего передвигаться по Тропам таинственного Дуата, отправился сквозь время и пространство в далекое будущее. Это путешествие должно было стать последним в таком роде. Сразу после переброски друзей в Москву XXII века провожавший их акху по имени Стоящий-у-Тропы взялся уничтожить механизм. Ни акху, ни нетеру, свободно шаставшие туда-сюда по Дуату, искусством перемещения во времени не обладали. Подобные знания были доступны лишь Древним, могучей расе, давным-давно затерявшейся в безднах Вселенной.

Таким образом, все пути назад (как и для возможных преследователей вперед) были отрезаны. Открывателю Путей (так звучал официальный чин волчка) нужно было обжиться в новых, непривычных условиях.

Равно как и Даньке, которому долгожданное возвращение домой принесло массу неожиданностей...

Прежде всего выяснилось, что за время своего недолгого

(всего-то месяц с небольшим) отсутствия Даня умудрился угодить... в психиатрическую клинику.

Конечно, в цепких лапах медиков оказался не он сам, а его почти полный биологический двойник египтянин Джеди, с которым Горовой поменялся местами при переносе во времени. Но от этого было не легче. Все, начиная от знакомых, однокурсников, преподавателей и заканчивая его собственными родителями и невестой Анютой, считали, что повредился в уме на почве усердных занятий египтологией именно Даниил Сергеевич Горовой, а не какой-то там выходец из седой древности. Внезапное выздоровление парня было воспринято окружающими не только с радостью, но и не без опаски. А вдруг случится рецидив?

Авторитетный консилиум эскулапов, куда вошли такие светила, как Юрий Арагорнович Семяцкий, первым начавший пользоваться больного, и академик Сергей Логгинович Виттман, завершивший курс лечения, вынес вердикт: Горовой психически здоров, но ему рекомендуется активный отдых. И по возможности никаких пирамид, папирусов и иероглифов. По крайней мере, некоторое время. Какое именно, не уточнялось.

Отдых – это хорошо, это правильно. Не все же геройствовать. Но жалостливые взгляды родных, но постоянные вздохи и осторожные вопросы-полунамеки Нюшки. Попробуй выдержи. Да еще и в изоляции от любимого дела. Спасибо, научный руководитель выручил.

«Вы что же это, свинтусы этикие, мировую археологию обездолить хотите?! – возмущенно всплеснул руками академик Еременко, перекрывая своим могучим басом унылый хор причитальщиков, озабоченных состоянием здоровья Даньки. – Не позволю!»

Нажав где надо и как надо, он выхлопотал-таки для своего «самого лучшего и самого перспективного ученика» разрешение на дополнительную защиту диплома. Чего это ему стоило, история и сам почтенный ученый умалчивают. В университетских кругах ходили слухи, что беспокойный Еременко дошел до Самого. Так это или нет, тем не менее Данька не только блестяще защитил диплом, но и без вступительных экзаменов был зачислен в аспирантуру.

Забот поприбавилось. Лекции, библиотеки, архивы...

Нюшка обижалась:

«Совсем ты меня забросил, а ведь замуж звал».

Правда, звал. В тот самый день, когда вернулся домой, и сделал девчонке предложение.

«Ну, сама посуди, – оправдывался. – Какой у нас сейчас будет семейная жизнь? Тебе учиться нужно, институт заканчивать. Я со своей диссертацией. Давай подождем немного. Наше никуда не денется. Мы ведь любим друг друга».

«Ага, – дулась Анята. – По-моему, ты к своему псу больше, чем ко мне привязан».

Волчок тоже куксился из-за «острого недостатка внимания со стороны некоторых неблагодарных типов». Данька

стал замечать, что у нетеру катастрофически портится характер. Упуат и до начала московского периода своей жизни не отличался излишней покладистостью, а тут с ним и вовсе не стало сладу. Его раздражало буквально все: вода, пища, люди, а особенно неустойчивый российский климат.

Для начала он распугал всех окрестных собачников. Пару раз Данила попытался вывести волчка на прогулку. Днем. Разумеется, на поводке и в наморднике. Ничего хорошего из этого не вышло. Низвергнутый бог вел себя по-хамски. Как будто это не его выгуливали, а он сам изволил выпустить на улицу диковинное двуногое животное породы *homo sapiens*.

Взгромоздясь на лавочку, Открыватель Путей с унылым величием отрекшегося от престола Наполеона наблюдал за дефилировавшими по аллеям парочками – хозяин – (хозяйка) – собака. При этом он издавал такие звуки, что сам великий основатель реалистической театральной школы Станиславский поверил бы, что перед ним не зверь, а человек. Горовой пробовал урезонить шалуна, но тщетно. Упуат раззадоривался еще больше.

«Ох, ох, ох!» – фыркнул он как-то вслед интеллигентного вида девушке в очках, семенящей рядом с гнусной болонкой, одетой в легкое клетчатое пальтишко.

«Пгостите, вы что-то сказали?» – затормозила девица около их лавочки.

Само собой, ее слова, а также милая призывная улыбка, обнажившая два ряда жемчужно-белых, явно искусственных

зубов, были адресованы Дане. Он поспешил заверить девушку в том, что вовсе не помышлял мешать ее прогулке. Вместо того чтобы продолжить дефиле, интеллигентка пристроилась на краешке лавки и попыталась завязать светскую беседу.

Наверняка, у нее были виды на симпатичного и, возможно, холостого парня.

«Какой пгелестный песик! – засюсюкала она и попыталась почесать Упуата за ушком. – И какой необычной погоды! Это у вас мексиканская овчагга? Я читала, что недавно амегиканцы скгестили в своих секгетных военных лабогатогиях восточно-евгопейскую овчаггу с чупокабгой и получилось что-то умопомгачительное! Отстойте секгет, ну, пожалуйста! Это она?»

«Песик» повел на девушку желтым миндалевидным глазом и, высоко вскинув голову, внезапно зашелся пронзительно-жутким воем. Со всех сторон слышался яростный собачий лай. Гнусная болонка так и дернула вдоль аллеи. Только ее и видели. Интеллигентка изумленно поглядела предательнице вслед и перевела туманный взор на Путеводителя. Внезапно ее глаза стали квадратными от изумления.

«П-пгостите, – заикаясь, осведомилась она. – Так это ч-что, в-волк?!»

«А то ты сама не видишь?!» – ядовито огрызнулся Упуат, оскалив мощные клыки.

Девушка в обморок, Данила с возмутителем спокойствия

– домой, лелея большие надежды, что рассказам очнувшейся интеллигентки о говорящем волке никто не поверит.

Что самое интересное, поверили. Уже через день (Данила специально выдержал паузу в их с волчком прогулках) собачников в парке заметно поубавилось. А бабушка принесла с базара жуткие слухи об ужасном волке-оборотне, подстерегающем одиноких дамочек и поступающем с ними самым гнусным образом.

«Прямо Шарль Перро какой-то! – смеялась Ангелина Сергеевна. – Красная Шапочка и Серый Волк!»

Сама же при этом искоса поглядывала на собачку обожаемого внука. Упуат с невинным видом обсасывал большущую мозговую кость. Ангел во плоти, да и только. Но бабушку на мякине не проведешь. Сердце Ангелины Сергеевны подсказывало: что-то не так с этим ушастым четвероногим созданием. Ой, не так.

И откуда оно только взялось на голову семейству Горových? Данилушка говорит, что завел дружбу с псиной в клинике Виттмана. Можно сказать, псине этой обязан своим благополучным возвращением домой. Ладно, раз так, потерпим.

Хотя, признаться, иной раз бабушку оторопь брала. Особенно когда она заставляла Упуата над развернутой книгой или за включенным компьютером. Конечно, волчок сразу делал вид, что ему никакого дела нет до этих предметов человеческого быта. Так, случайно оказался по соседству, «шел в

свою комнату, попал в другую». Но уж больно у него взгляд чудной бывал за секунду до того, как Ангелина Сергеевна выказывала свое присутствие в одной с ним комнате.

И еще это его странное пристрастие к алкоголю.

Срамота!

Она так прямо и заявила драгоценному внучку, в очередной раз застукав его на том, что он наливает в собачью миску пиво. Традиционно светлой «Оболони» (любимой марки волчка, перепробовавшего уйму сортов земного пива и остановившегося на этом).

«Как ты можешь спаивать бессловесную тварь?» – возмутилась Ангелина Сергеевна.

«Понимаешь, – виновато разводил руками младший Горовой, – таким образом я пытаюсь вылечить его от алкоголизма. Прежний хозяин пса был горьким пропойцей и приучил бедолагу к спиртному. Раньше Упуат буквально жить не мог без алкоголя. Мне удалось значительно снизить его тягу к выпивке. Он уже на пути к выздоровлению».

«Бывает», – кивнула бабушка, но сама, естественно, несколько не поверила сбивчивым Данькиным объяснениям. Хотя чего только не случается на свете...

А тут еще с некоторых пор Данька стал ощущать на себе чье-то постороннее назойливое внимание.

Сначала он пытался отмахнуться, списывая все на нервы, расшалившиеся после полета в прошлое.

Затем поделился сомнениями с волчком и был страшно

удивлен, когда Упуат с самым равнодушным видом подтвердил факт слежки.

«И кто это только может быть?» – заволновался парень.

«А я почему знаю? – зевнул Путеводитель. – Главное, что это не наши. И не акху. На остальных плевать с высокой вышки».

Надо сказать, что беглый нетеру весьма и весьма опасался преследований со стороны своих злопамятных сородичей. Хотя и прошло пять тысяч лет, но кто знает, насколько далеко простирается мстительность поверженных властителей Земли. Вдруг приказ о поимке предателя не имеет срока давности?

Потому и таился волчок, не показывая и даже не пытаясь использовать свои истинные биологические ресурсы. Какие там перемещения в пространстве?! Не приведи Великий Дуат, засекут те. Или другие. Всем активным действиям Упуат предпочел глубокое погружение в бездны информационного пространства землян (надо же наверстать упущенное за пятьдесят веков) и тихий алкоголизм.

«Что же делать?» – не унимался Данька.

«Наплюй! – философски рассудил Путеводитель, не отрываясь от монитора. – Авось само рассосется».

Словно в воду глядел. Слежка как будто прекратилась.

Так незаметно прошел месяц. И вдруг.

Как-то, придя утром в читальный зал для аспирантов отделения экзориенталистики и, как обычно, заказав кипу па-

пирусов для обработки, Даня был вызван в кабинет к Еременко.

«Срочно!» – сделала большие глаза шефова секретарша Леночка.

«Не знаешь, зачем вызывает?» – заговорщицки подмигнул ей парень.

Леночка наморщила очаровательный носик и, пожав плечами, потянула на себя дверную ручку.

«Можно?» – сунулся в полуоткрытую дверь Горовой.

«Чего топчешься?! – рывкнули из глубины комнаты, – Заходи, и не делай сквозняка!»

Боязнь сквозняков была своеобразным пунктиком почтенного академика. Попадая в любой, даже самый высокий, кабинет, Еременко первым делом проверял, надежно ли закрыты все форточки, плотно ли захлопнуты двери и выключены ли кондиционеры. Любому другому такое мелкохулиганистое поведение вряд ли сошло бы с рук. Но великий археолог был фигурой, и все списывалось на экстравагантность, столь свойственную творческим натурам.

«Читай!» – коротко сказал ученый, когда Данила примостился на краешке стула.

Нервным жестом Еременко оттолкнул от себя лежащую на его столе тонкую пластиковую папку, и та испуганной птицей метнулась прямо в руки юноше. Даня еле успел перехватить ее в полете. Развернул и погрузился в чтение.

«Ну как?» – поторапливал его академик, наблюдая, как

по мере знакомства с материалами брови Горового лезут все выше и выше.

«Не может быть! – еле выдавил из себя парень. – Неужели он нашелся?!»

«Вот именно!»

Еременко вскочил с кресла и забегал по кабинету. Точнее, стал плавно перекачиваться, так как бегать в силу своей излишне тучной комплекции прекратил еще лет пятнадцать назад.

«Нашелся! – передразнил аспиранта научный руководитель. – Правильнее будет сказать: явил себя миру! Ибо именно это и произошло. Двести пятьдесят лет поисков, и все без толку. А тут!»

Он вырвал папку из Данькиных рук и, найдя нужный абзац, принялся с выражением читать:

«В ночь на 7 сентября Верховному шаману эвенков Тэр-Эр-Гэну Четвертому было видение. Явился к нему сам Царь-Бог Сэвэки-тэгэмер и велел, чтобы завтра поутру обследовали место Великой Катастрофы. Дескать, там будет обретен Золотой Чум. Приписав сон влиянию алкоголя, в изобилии употребленного на вчерашнем приеме у Президента Эвенкии, священнослужитель не придавал видению должного значения. Однако оно повторилось и следующей ночью. Тогда Тэр-Эр-Гэн своими силами организовал из подчиненных ему шаманов экспедицию в район реки Подкаменная Тунгуска. И в месте, указанном Сэвэки-тэгэмером, был най-

ден неизвестный объект, получивший кодовое название „Золотой Чум“...»

«Видишь, это не находка, а явление!»

«А почему, собственно, эти материалы поступили в наше ведение? – заинтересовался Данила. – По-моему, им самое место в метеоритном отделе Минералогического музея. Они ведь столько времени и сил потратили на поиски Тунгусского метеорита».

Академик хитро сощурился.

«Непонятно? И я сначала не разобрался. Пока не увидел вот это».

Жестом фокусника он извлек из верхнего ящика стола пачку цветных карточек.

«Полюбуйся!»

Даня взглянул и обомлел.

«Он нашелся!» – торжественно произнес Упуат, закончив разглядывать и обнюхивать принесенные Данькой снимки.

На тонких голографических пластинах в разных ракурсах был запечатлен до боли знакомый объект.

Правильный пирамидной высотой в пять или пять с половиной метров (размеры можно было определить в сравнении с окружавшими объект деревьями). Четыре гладкие, словно покрытые полировкой, грани. Под слоем «полировки» проглядывались неведомые значки, похожие на иероглифы. Было непонятно, каким образом нанесены эти рисунки на по-

верхность и почему их видно. Будто кто-то покрыл камень слоем толстого, но прозрачного стекла. Однако ж не стекло это было.

«Бен-Бен!» – констатировал Даня.

Открыватель Путь согласно кивнул.

«Значит, Стоящий-у-Тропы его не уничтожил. Не захотел? Или не смог?»

Волчок снова затряс головой. На этот раз отрицательно.

«Ты не понял? – сощурил он свои желтые миндалевидные глаза. – Это не тот пирамидион, через который ушли мы».

«Как?!»

Парень схватил в руки лупу и жадным взглядом исследователя впился в голограммы. И чем дольше он смотрел, тем очевиднее становилось его заблуждение.

Да, потрясенный находкой, он сперва не заметил явных отличий.

Тот, их Бен-Бен, был поменьше, что-то около трех метров в высоту. Да и значки на его гранях строились вертикально, а не горизонтально, как на этом.

Что же это получается?..

Выходит, найден еще один механизм Древних. Как там его называл говорящий динозавр, ЭРЛАП, что ли. Да, точно. Ящер с острова Великой Зелени упоминал, что на Земле находились три такие машины: Малый (тот самый, египетский), Большой и Великий ЭРЛАП. Скорее всего, тот, что запечатлен на голограммах, – это Большой. На Великого ка-

к-то не тянет. Размеры не те.

«Я еду с тобой!» – безапелляционно заявил Путеводитель.

«Куда, в экспедицию?»

«Ага! – радостно гавкнул волчок. – Мне просто необходимо на это взглянуть!»

Данька призадумался.

А почему бы и нет? Оставлять нетеру одного в Москве, без присмотра? Ни в коем случае! Кто знает, к каким катастрофическим последствиям это может привести. С другой стороны, кто, как не инопланетянин, сможет надлежащим образом организовать изучение таинственного объекта, явившегося на Землю из глубин космоса?

Археолог снял трубку и набрал номер академика Еременко. После пяти минут обоюдной и жаркой перепалки проблема была улажена. Одним членом экспедиции стало больше.

«Но смотри мне! – пригрозил ученый. – Чтоб завтра же сделал своему псу все необходимые прививки. Справку от ветеринара представишь в трех экземплярах!..»

* * *

Упуат, умаявшись от тоски и критики «допотопных средств передвижения людей», мирно дремал у его ног, совсем как обычный пес.

Почти все члены экспедиции, за исключением академика Еременко, расслаблялись, избрав для этого бар салона тре-

тьего класса, отличавшийся большим количеством девушек-отпускниц.

А Даня был занят важным делом. Подключившись к бортовой Сети, он вошел в Глобалнет и в быстром темпе стал просматривать все доступные материалы о местах, куда лежал их путь.

Как-то так получилось, что ничего, кроме пары написанных в позапрошлом веке книжек и параграфа в учебнике географии, он на эту тему не читал. Север был совершенно вне его интересов – то ли дело Древний Египет или, на худой конец, Месопотамия!

И вот сейчас парень с неожиданным интересом вчитывался в страницы новейшей истории Эвенкии.

...В конце далекой уже первой трети ХХI века начались те самые резкие перемены климата, о которых ученые говорили так давно, что обыватель просто перестал им верить, лишь посмеиваясь над всеми этими умниками, пугающими честной народ какими-то там экологическими бедствиями.

(Когда все началось, в некоторых странах разъяренные толпы даже принялись громить институты и лаборатории, почему-то решив, что именно «яйцеголовые очкарики» все беды и накликали).

Россия только-только начала выползать из тех несчастий, что обрушились на нее в конце предыдущего ХХ века, и надо ли говорить, что все это стало малоприятным сюрпризом.

Стремительно поднимающееся море наступало на берега и уничтожало порты. Вечная мерзлота, по которой проходили дороги, трубопроводы, линии электропередач и где стояло немало городов, начала таять, превратив огромные пространства в исполинское болото. И в этом болоте в буквальном смысле слова утонули и промыслы, и целые поселки, и рудники, и даже несколько малых городов. События эти не миновали и Эвенкию, в короткий срок лишившуюся почти всего населения, сбегавшего прочь – подальше от непроходимых трясин и туч комаров с осу величиной.

Бывшая сырьевая кладовая была потеряна.

К счастью, как раз тогда совершенно случайно нашли изрядные запасы нефти в Средней России, что породило даже движения за независимость от Центра, самым заметным из которых был «Урюпинский фронт освобождения России от Москвы». Не одна Россия, впрочем, страдала от разгула стихий.

Ведь именно тогда разразился первый всемирный кризис, затронувший почти все страны. Миллионные потоки беженцев и переселенцев буквально сносили государственные границы. Правительства сменяли друг друга со скоростью ракеты. За семнадцать лет в тогдашней России поменялось девять президентов, два регента и даже один царь.

Все главные валюты одна за другой обратились в прах, и Даниил с удивлением прочел, что в течение полугода мировым расчетным средством был монгольский тугрик (тогда

в Монголии как раз разворачивалось «Великое желтое возрождение»).

Потом, когда все более-менее утряслось, власти долгое время не знали, что теперь делать с этими огромными просторами.

Радикал-националисты, например, предлагали переселить туда латышей и эстонцев, массово бежавших в Россию от наступающего на их страны Балтийского моря. Партия Истинного и Верного пути – учредить в тех землях особую страну – Беловодье, естественно, под своим собственным управлением.

И тут вдруг к тогдашнему Президенту явилась депутация каких-то людей в малицах и унтах и сообщила, что они представители славного и древнего эвенкийского народа и требуют закрепления за ними прав на исконные земли.

Глава государства изрядно удивился и не сразу им поверил – эвенки считались уже лет тридцать как благополучно ассимилировавшимися. Но вожди во главе с шаманом Тэр-Эр-Гэном сумели доказать свои права и подлинно эвенкийское происхождение, после чего, видимо все еще не придя в себя от изумления, Президент подписал указ о передаче этих земель во владение непонятно как возродившегося народа.

Кстати, на вопрос журналистов, как им все-таки удалось выжить, Тэр-Эр-Гэн, хитро улыбаясь, сообщил, что боги его предков сжалились над своими детьми и позволили избран-

ным пережить все бедствия в другом мире, куда провели их невидимыми путями. (Тут Даня насторожился, что-то это ему напомнило. Надо будет как-нибудь посоветоваться с Упуатом на эту тему, решил он.)

Давно закончился Первый кризис, миновал и Второй, и вдруг оказалось, что из края гиблых трясин и хлябей Эвенкия превратилась в весьма благодатное место.

Вода сошла, и поднялись молодые леса из амурского и сибирского кедра (почти исчезнувшего). Меж деревьев натянулись лианы, а поляны покрыли растения, прежде считавшиеся редкими, а то и вымершими. В лесах появились кабарга и пятнистые олени, бурые и гималайские медведи, а лоси и кабаны так вообще стали обычным зверьем. По льду Берингова пролива (это были последние годы, когда он еще замерзал) пришли гризли, пумы, койоты. Появились и соболя с кунницами, бежавшие со звероферм, разгромленных во время последней вспышки экологического терроризма. Свили гнезда разнообразные птицы – от орлов до куропаток. Из Приморья пришли почти истребленные тигры и леопарды. Прилетели и летучие мыши, включая и больших тропических, сумевших как-то прижиться в незнакомом климате.

Одним словом, на нескольких миллионах квадратных километров возник целый мир дикой природы, какой она была за тысячи лет до появления человека.

Кое-кто начал было разрабатывать проекты промышленного освоения ставших вновь доступными богатств, но эвен-

ки решительно воспротивились, ссылаясь на президентский указ, позже подтвержденный Верховным Судом.

Так что и государству, и многочисленным частным компаниям, уже пускавшим слюнки, пришлось поумерить свои аппетиты.

Новые хозяева, вернувшись к образу жизни предков, не стремились пускать к себе в страну внешний мир. В Эвенкии (куда вошли еще и северные регионы бывшей Якутии и Чукотки) был разрешен только экологический туризм.

Причем каждую экскурсию сопровождал проводник-надсмотрщик, зорко следивший, чтобы туристы не загрязняли тайгу. И за брошенную банку, пластиковый пакет или разведенный без разрешения костер нарушителю грозил штраф, а то и трехмесячные исправительные работы на женьшеневых плантациях.

Единственные, кроме немногочисленных ученых, кого допустили в эти края, были сотрудники Сибирского Центра восстановления древних видов, созданного в середине прошлого века.

В свое время шаманы, посоветовавшись с предками и Сэ-вэки-тэгэмером, решили, что воскрешение священного зверя их прашуров – дело угодное и духам, и богам.

Центр этот, правда, достиг мало-мальски весомых результатов всего два десятка лет назад, когда уже почти все потеряли надежду на успех, истратив чуть ли не на два миллиарда геоларов пожертвований, собранных по всему миру.

Но зато теперь к обитателям эвенкийской тайги прибавились и мамонты, а глава Сибирского Центра академик Бакалов-Синицкий на радостях торжественно пообещал до конца нынешнего века клонировать еще и шерстистых носорогов, а возможно, даже динозавров. Одним словом, путь экспедиции лежал в места по-настоящему дикие, каковых на Земле, пожалуй, больше и не осталось.

Капитан (пока еще капитан) Владилен Кириешко, забившись в самый дальний уголок бара салона третьего класса, исподлобья наблюдал за ведомыми объектами.

Края, куда был откомандирован brave сотрудник Министерства государственного порядка, почти не занимали его родной 13-й отдел МГОП. Приходившие оттуда сообщения о крылатых вампирах объяснялись большими колониями летучих мышей. О леших, заставляющих туристов беспомощно блуждать по тайге в двух шагах от лагеря (правда, преимущественно рассказывали личности, склонные к употреблению спиртного в повышенном объеме). Сведения о призраках и домовых, просящих случайно забредших в покинутые города и селения людей унести их в большой мир, разносили сталкеры, без разрешения проникающие в заповедную зону в поисках всякого антикварного добра из XX века. (Этих храбрецов не пугали даже женышеневые плантации тамошних шаманов...)

Ну и, конечно, побасенки о жутком колдовстве, древней

магии и снежных людях.

Были еще истории, связанные с поисками Тунгусского метеорита, но все, связанное с космосом, находилось в ведении сектора полковника Злотникова, а Кириешко же в основном занимался вещами потусторонними, логическому осмыслению не поддающимися.

Да и не до всяких тайн этого края ему было сейчас!

Весь полет Владилен Авессаломович размышлял. И даже теперь, меньше чем за час до посадки, он не мог отвлечься от этих мрачных мыслей.

...После того как столь, казалось бы, многообещающее дело с этим пришельцем из прошлого лопнуло, точно пыльный пузырь... тьфу, мыльный пузырь (уже и заговариваться стал со всей этой чертовщиной)...

Так вот, когда это дело лопнуло, как... Одним словом, взорвалось, Кириешко, погоревав и позлившись, написал отчет о завершении операции (как положено, в электронном и письменном виде), сдал его в канцелярию да и постарался выкинуть из головы это странное происшествие, доставившее ему столько хлопот и разочарований. А ведь он почти поверил, что действительно наткнулся на гостя из иного времени!

Так прошел почти месяц. Капитан погрузился в повседневную рутину и начал уже забывать о Даниле Горовом.

Гром грянул, когда из отпуска вернулась начальница от-

дела.

К счастью, как раз тогда Владилен Авессаломович был откомандирован под видом независимого журналиста в Новосибирск на XXX ежегодную Всемирную конференцию духовидцев. Командировка продлилась три дня, и, когда капитан прилетел в столицу, главное уже миновало. Будь он в Москве, когда Протопопова воротилась из своего тихоокеанского турне, еще неизвестно, что бы произошло.

Полковник отличалась взрывным характером и полным отсутствием тормозов, если ее что-то злило. Рассказывали, что, еще будучи старшим лейтенантом, она выкинула в окно полковника, который после праздничного банкета попытался залезть ей под форменную мини-юбку. К счастью для полковника, это был всего лишь первый этаж.

Владилену Авессаломовичу поведали, что когда шефиня бегло просмотрела услужливо подсунутый ей канальей Шумерским отчет об операции «Странник» (именно такое название Кириешко дал попытке выволочь из клиники Виттмана этого Дже-ди-Горового), то с нее за несколько секунд сошел весь замечательный гавайский загар. А затем последовали такие выражения, каких, наверное, эти старые стены не слышали со времен, когда хозяевами тут были революционные балтийские матросы.

Ситуация усугубилась еще и тем, что, по закону подлости, как раз в тот же день из клиники Виттмана на Лубянку пришло требование выплатить компенсацию за испорчен-

ный хакерами МГОП портал заведения. Особенно подчеркивалось, что пострадал еще и сайт «Basted.ru», посвященный лечебным кошкам, очень популярный и особенно любимый детьми. Сумма была названа порядка ста тысяч геоларов.

(Ну, «Полосатый призрак»! Ох же и сволочь! Всех сдал, как только на него чуть нажали! А еще хвалился, мол, никто ничего не отследит и концов не найдет!)

Следом курьер доставил служебную записку от разгневанного вице-премьера, курирующего силовые структуры, чья дочка-школьница была поклонницей упомянутого кошачьего сайта.

Скандальчик вышел еще тот – сам министр лично звонил полковнику и требовал «разобраться с этим капитанишкой!».

И тот факт, что кабинет Протопоповой находился на седьмом этаже, мог сыграть в судьбе одного «капитанишки» не самую благоприятную роль.

Но Владилен Авессаломович оказался в родной конторе только на следующий день, когда кое-что в ситуации изменилось, и поэтому ничего страшного не произошло.

«Мариелена Прекрасная» просто вызвала его к себе, дала пару пощечин, назвала дураком, ишаком и еще менее приятными эпитетами и сообщила, что если в своей дальнейшей карьере сторожа или дворника Кириешко проявит такие же деловые качества, то ей заранее жалко его несчастных работодателей.

Сунув ему под нос записку вице-премьера и письмо Виттмана, начальница «чертедюжинного» отдела елейным голоском предложила капитану либо выплатить всю сумму иска самому, либо же немедленно написать рапорт об увольнении. Причем еще и с припиской о добровольном аннулировании пенсии, льгот и выслуги, поскольку-де он, Кириешко, понял, что пятнадцать с лишним лет занимался ненужными вещами и боролся с несуществующими аномальными явлениями.

Чуть не плача про себя, он написал треклятый рапорт.

Затем Протопопова спрятала роковую бумагу в сейф и сообщила, что, может быть, не даст ей ходу и даже порвет на глазах Владилена Авессаломовича. Ибо за четыре часа до возвращения капитана сверху – она многозначительно указала пальцем в потолок кабинета – пришло распоряжение: срочно взять под наблюдение аспиранта ИНКА Даниила Сергеевича Горового и, что особенно подчеркивалось, его пса неустановленной породы, именуемого Упуатом.

Более того, ей намекнули, что дело это особой важности.

И она, взвесив все, решила, что раз Кириешко занимался этим делом, то ему и заканчивать его. По крайней мере, он единственный, кто хоть что-то знает про фигуранта.

И капитан приступил к выполнению ответственного задания. За полторы недели он собрал достаточно материала, чтобы как минимум задержать объект для дачи подробных показаний.

А потом внезапно началась вся эта непонятная свистопляска, когда едва ли не весь его отдел вместе с кучей коллег из других звеньев родного министерства вдруг перебросили в эту злосчастную Эвенкию, где местные шаманы что-то такое нашли.

Он запросил было указаний, не стоит ли ему отложить охоту за парнем и его псом и не присоединиться ли к большинству, раз уж все это так важно?

На связь с ним вышла лично Протопопова и непривычно серьезно приказала продолжать наблюдение любой ценой, ибо это может быть не менее существенно.

И вот ему опять предстоит пасти этого чудного парня с его странной собакой. Практически одному, в диких краях, не имея внятного представления как?

И – что не менее важно – зачем?

Глава вторая

КАТАСТРОФА

– Докладывайте!

– Все идет по плану. Ведомые направляются к Объекту.

– Отлично. Проводник не засек хвоста?

– Нет.

– Постарайтесь как можно дольше не обнаруживать своего присутствия. Не забывайте, что Открыватель Путей профессионал.

– Ха, вот уж чего не заметил, так не заметил! Проколоться, как мальчишка. И на чем? Говорящая собака!

– Да, странно. Уж кому, как не Проводнику, знать пункт седьмой «Правил колонизации планет с примитивными формами цивилизаций». Недопустимый промах.

– Вот на нем мы его и подловили.

– И все-таки примите совет: нельзя недооценивать противника. Причем такого серьезного, как ваш.

– Ладно, учту.

По проспекту 25 Октября, задумчиво озираясь по сторонам, шел элегантно одетый господин средних лет с курчавой гривой, темной кожей и глазами, цвет которых нельзя было разглядеть за стеклами антикварных солнцезащитных очков (настоящий XX век!).

Если бы кому-то из милиционеров или даже сотрудников МГОП довелось вдруг проверить его документы, то они могли бы узнать, что перед ними житель Неаполя Джованни Кабангида – итальянец, вернее, сын итальянки и нигерийца.

Взбреди в голову особо дотошному сотруднику еще и запросить о нем Глобалпол, он с удивлением узнал бы, что за этим почтенным гостем российской столицы числятся тридцать шесть приводов в полицию за мелкое хулиганство и пьяные дебоши, два развода с женами, которым надоели его побои и вечная нехватка денег, год общественно-исправительных работ и два церковных покаяния.

Возможно даже, прикинув в уме стоимость костюма от «Версаче и дочерей», золотых турецких часов «Ремикс» и булавки для галстука с лиловым венецианским сапфиром, самый проницательный страж порядка догадался бы, что тут что-то нечисто и просто так бродяги и пропойцы золотые часы не носят.

Но кому, скажите на милость, пришло бы в голову в тихой благополучной Москве середины XXII века проверять документы у прилично одетого человека, причем явного иностранца?

Да и вообще, если начать заглядывать в паспорта каждого смуглого и темноволосого прохожего, то московской милиции пришлось бы тем только и заниматься, ни на что другое времени бы не осталось.

Однако, если бы этого человека вдруг случайно увидел

кто-то из Посвященных или тех, кто обладает Истинным Зрением, то он бы кинулся прочь, куда глаза глядят. Или пал бы в ноги пришельцу.

...Сет Красноглазый, по прозвищу Охотник, нетеру из касты Наивысочайших, особо уполномоченный Совета Десяти, правящих древней расой, и глава тщательно законспирированной шпионской сети на Земле, неторопливо шагал по городу, со спокойным любопытством осматриваясь по сторонам.

То есть, разумеется, истинное тело Сета – почти бессмертное и совершенное, связанное с этим телепатической связью, пребывало сейчас неизмеримо далеко отсюда, в особом саркофаге. Так что можно считать, что на московском проспекте присутствовало воплощение Сета, пусть и своеобразное.

По законам Галактики и приложению номер два «Правил колонизации планет с примитивными формами цивилизаций» нетеру разрешалось использовать лишь пришедшие в полную негодность тела коренных обитателей Земли. Вот, например, эта оболочка поступила в ведение разведслужбы после того, как она почти сутки плавала в водах Адриатического моря с пробитой булыжником головой.

Сколько сил пришлось приложить, чтобы вернуть сию оболочку к жизни и хоть немного закамуфлировать! Как неистовствовал Анубис, когда в его лабораторию доставили этот, как он выразился, «мешок дерьма». Но поработал док-

тор на славу. Наверное, истосковался по настоящей работе.

Тело было, откровенно говоря, так себе. Диверсионная группа могла бы расстараться для начальства и взять «языка» получше. А теперь ему предстояло изрядно потрудиться.

Ибо назревали действительно нешуточные проблемы.

Во-первых, наконец-то объявился сгинувший неизвестно куда пять тысяч лет назад Упуат.

Бывший кандидат в члены прежней Девятки, ответственный за межпространственную связь через Дуат. Один из главных участников давних событий, из-за которых нетеру вышибли (инога слова не подберешь) с Земли.

Личный враг его, Сета. Который, скорее всего, даже не догадывается об этом, но именно он наиболее ненавистная персона для Сета Красноглазого.

Этот жалкий, наскоро созданный... даже непонятно, как его назвать! Этот позор истинных нетеру. Подумать только, до чего надо было дойти, чтобы включить в число Наивысочайших полукровку, генетического мутанта! Только за одно это тогдашних правителей следовало изгнать! Впрочем, то поколение, допустившее такой позорный, оскорбительный, а главное, нелепый и глупый провал, было низложено и сослано (куда, Сет предпочитал не особо задумываться) вовсе не за это.

Во-вторых, хвала Дуату, никуда не делся приятель ренегата, этот человечек, оказавшийся таким ловким и живучим.

И вот с ним проблем может быть не меньше, если даже не

больше, чем с Открывателем Путей.

Начать с того, что нетеру скоро как пять тысяч лет уже не кураторы Земли, а всего лишь наблюдатели. (И случилось это прискорбное событие не без активного, пусть и не преднамеренного, хотя от этого не легче, содействия этой парочки.) А стало быть, и что-то сделать с землянином они просто так не в состоянии. За это можно и...

Да, лучше не будем портить себе нервы, тем более у Джованни Кабангиды они и так оставляют желать лучшего.

Кроме того, этот человечек, этот студент-недоучка, еще и оказался непонятно почему одарен милостью одного из Древних! (Великий Дуат, ДРЕВНИХ!!!) И если с ним что-то произойдет, а потом вдруг его покровителю захочется узнать, как там поживает его подопечный, то могут произойти крупные неприятности.

Когда информация о появлении этих двоих дошла до разведслужбы нетеру, они связались с акху, деликатно осведомившись, не будут ли те против, если нетеру арестуют одного из своих заблудших братьев?

На что последовал достаточно туманный ответ. Дескать, уважаемые наблюдатели могут, конечно, решать свои внутренние дела как им угодно, но при этом не стоит забывать об «Универсальных законах вселенской этики Разума» и положениях «Правил поведения наблюдателей на чужой планете».

Тьфу! Кто поймет этих акху с их акхучьей логикой!

Вот уже пять тысяч лет они являются кураторами Земли, но до сих пор неясно, что они, собственно, тут делают? Иногда Сету казалось – ничего.

Охотник обнаружил, что, задумавшись, он уже минуты три как стоит перед уличным автоматом по продаже пива и механически водит пальцами по клавишам.

Привычки, засевшие в самых дальних уголках мозга покойного Джованни Кабангиды Красноглазого, время от времени давали о себе знать. Так же, как испорченная печень и оказавшийся на редкость упорным простатит.

Он даже подумал: может быть, пойти навстречу организму, но потом, покачав головой, решительно зашагал дальше. Не время. Так недолго и потенциальному противнику уподобиться. О пагубном пристрастии Проводника к спиртному Сет узнал из его досье.

Тем более что однажды он уже дал волю инстинктам Джованни Кабангиды, и очнулся только на третьи сутки – в полицейском участке за три тысячи километров от дома, с покрытой синяками физиономией и без единой монеты в кармане ставшего лохмотьями дорогого костюма.

И Красноглазый продолжил путь.

Он прошел еще километр по шумным людным улицам и остановился перед зданием центрального столичного аэровокзала.

Именно туда и направлялся Кабангида. То есть Сет. Охотник.

Обычаи нетеру да и сложившиеся правила работы на остальных планетах не одобряли подобной прямолинейности. По правилам, следовало бы действовать как-то похитрее, по-заковыристей. Добыть фальшивые, но совершенно надежные документы, изменить внешность и, конечно, добираться на перекладных, сменив десяток маршрутов...

Но Сет вовсе не намеревался придерживаться этих древних замшелых установлений, которым, по совести говоря, давно место в самых мрачных глубинах Дуата.

Его предшественники своей хитростью и склонностью к заумным многоходовым комбинациям уже наворотили столько, что древний и благородный род нетеру расхлебывает до сих пор да все не расхлебает.

Нет, на этот раз он последует земной мудрости, гласящей, что все гениальное – просто (даже у дикарей иногда есть чему поучиться).

Он всего лишь купит билет и полетит следующим же рейсом, сразу за объектами своего интереса.

* * *

Несколько замурзанных личностей, облаченных в камуфляжные комбинезоны, рылись в грудах разнообразного барахла, вываленного на неприметной крошечной полянке.

Неподалеку можно было различить замаскированный дерном, ныне разрытым и разбросанным, двустворчатый

люк с кремальерами.

Человек проницательный, сопоставив все это, непременно пришел бы к выводу, что перед ним компания так называемых сталкеров, разыскавших древнюю военную базу.

– Комплектующие блоки ЕЦ-4444 для АСТПУД, конструкции Анисимова, вариант «БИС», – прокомментировал один из них, прочтя название на коробке, вытащенной из одной из куч.

– Экое старье! – буркнул крепкий мужик лет сорока, любовно изучавший содержимое раскуроченного оружейного шкафа – ни много ни мало десятков реактивных карабинов «Дракон».

– В том-то и ценность, что старье, Сержант. Знаешь, сколько в этом старье золота с платиной?

– Знаю, – подтвердил Сержант. – У нас в училище было несколько установок на этих хреновинах, так всякую поломавшуюся полагалось по акту списывать и сдавать под расписку в утиль... А мои карабинчики все же лучше – каждый не меньше двух штук геоларов потянет.

«И двух лет строгого», – добавил он про себя.

– Ладно вам возиться с этим металлоломом, – вмешалась в разговор единственная присутствующая здесь девица, надо сказать довольно миловидная. – Лучше вот поглядите, что я в сейфе нашла!

Она гордо продемонстрировала товарищам конверт из плотной глянцевой бумаги с надписями, предупреждающи-

ми об ужасной секретности и карах за ее нарушение.

– Ну и что, Муха? – скептически усмехнулся один из ее приятелей. – Кому эти секреты нужны? Только свихнувшимся историкам – да и те денег не заплатят.

– Балда! – презрительно бросила Муха. – Это же личная печать царя Потапа! Знаешь, сколько такой документик на Сотбисе потянет?!

Сказав это, она с сомнением покосилась на коллегу и вздохнула:

– Эх, Барбос, что с тебя взять? Барбос ты и есть Барбос!

– Ну, не знаю, – примирительно пожал плечами Барбос. – А мне всякие железки ближе. Тут уже все видно сразу, и толкнуть их можно без проблем. Вот взять хоть это. – Он любовно оглядел блеснувший металлом браслетик. – Настоящие командирские часы. Да еще какие – «Мейд ин ЮССР»! А? В столе валялись. Видать, забыл хозяин, когда базу эвакуировали. А здорово было бы найти атомную бомбу! – мечтательно продолжил Барбос. – Сколько б за нее отвалили! До конца жизни в бабках бы купались!

На его веснушчатом простоватом лице засияла блаженная улыбка. Наверное, представил себе ванну, до краев заполненную дензнаками.

– Слушай, может, еще пошаримся там, внутри? Глядишь, чего путного найдем?

– Сразу видно штатского, – насмешливо прокомментировал Сержант. – Это же резервный командный пункт второго

эшелона. Кто ж на таких основное оружие хранит? Тебе надо узловую базу искать – в этих краях таких вроде как три было.

Они замолчали, оглядывая свои трофеи – содержимое кладовых старого подземного бункера, упоминание о котором нашли в архивах бывшего Военного министерства, где работали под видом членов Военно-Исторического Форума имени Переслегина.

Тем временем сталкер Карлуша, выполнявший в команде функции тягловой силы и по совместительству основной боевой единицы в случаях каких-то осложнений с коллегами по ремеслу или обывателями, был занят увлекательным делом.

А именно: старательно отвинчивал неприметную боковую панель на здоровенной, почти в рост человека металлической бочке с облупившимися маркировками. Это была их самая большая и тяжелая добыча, которую искатели с превеликим трудом сумели поднять на поверхность, и то лишь благодаря тому, что удалось на какое-то время запустить дизель-генератор и подать ток на подъемники.

Панель эту уже пытались вскрыть и Сержант набором своих замечательных отверток, и Барбос-лазерным паяльником, и Муха – электронными отмычками, и занятые сейчас охотой два других члена команды Тотоша и Кокоша (один использовал кувалду, второй – топор). Но все отступились. А вот Карлуше, на беду, повезло повернуть именно нужный винт, ковырнув его ножом почти наугад.

Панель открылась, и Карлуша тут же сунул туда свой глупый любопытный нос.

– Ой, мужики! – радостно воскликнул он. – А тут какая-то фигня вроде компьютера маленького.

Успех товарища никого не заинтересовал: что путного можно ожидать от Карлуши?

– Да чего там, – лениво бросил Барбос. – Сдох, наверное, давно.

Любопытный Карлуша наклонился над крошечным монитором, услужливо выдвинувшим клавиатуру. Там замелькали непонятные таблицы и диаграммы, высвечивались вопросы...

Иногда экран начинал мигать и бледнеть. Все-таки годы брали свое.

Расположившиеся на травке сталкеры лениво наблюдали за возней товарища, которого уже привыкли воспринимать как безвредного дурачка, двуногое выючное животное.

– А вообще, что это такое? Карлуша нас часом не взорвет, Сержант?

– Бес его знает! – совершенно искренне ответил атаман сталкеров.

– Что-то не припомню такого в каталогах. Нужно лэптоп доставать и в Сети шариться. Хотя погоди, что-то знакомое вроде, дай бог памяти... Нет, не помню.

«Нажмите красную кнопку», – сообщила надпись на экранчике.

И Карлуша нажал, даже не подумав – зачем.

«Вы активировали ору...»

Тут старый монитор окончательно сдох, как и предполагал Барбос. Но, к сожалению, прочая электронная начинка продолжала работать.

К великому сожалению, ибо то, в чем опрометчиво решил поковыряться юный полудурок, было не чем иным, как многозарядным переносным зенитным комплексом, носившим многозначительное имя...

– «Молния!» – вдруг выкрикнул Барбос. – Вспомнил, что это за дура. Это же «Молния»! Я ее в каком-то старом сериале видел! Ну, – нервно зажестикублировал он, – ею же сбили самолет того козла, дона Леонсио, который брат дона Педро...

Все невольно обернулись в сторону древнего, но грозного оружия, над которым вдохновенно трудился самый юный и... выражаясь политкорректно, интеллектуально недостаточный член экспедиции. Над «бочкой», еще секунды назад мертвой, вращалась метелка антенны. Нет, уже не вращалась. Замерев, она оказалась направленной в небеса. Где крошечным серебристым силуэтом неторопливо проплывал авиалайнер.

– Эй, – вскочил Сержант, – ты что... Ты что делаешь, козел?! Уйди на...

Но было уже поздно.

Верхняя крышка контейнера отлетела прочь, отстрелен-

ная пиропатронами, а потом одна за другой ушли в небо пять дымных стрел. Туда, где гудел невидимый за лесными вершинами трансконтинентальный лайнер.

– Ой, мама... – жалобно пропищала Муха, не отрывая широко расширившихся глаз от дымящегося тела Карлуши, который, не успев понять, что с ним случилось, так и умер, сгорев в пламени реактивных двигателей.

Потом начали рваться сваленные на полянке боеприпасы, но сталкеров там уже не было. словно взбесившееся стадо, они неслись к реке, к замаскированному экранолету, стремясь как можно скорее исчезнуть, убежать прочь от этого места. Впереди всех стрелой мчалась Муха, сжимая в зубах заветный пакет с вензелями Его Царского Величества Потапа Первого (и последнего)...

– Внимание! – вдруг торопливым голосом сообщил бортовой компьютер. – Со 134 румба приближаются малоразмерные высокоскоростные объекты неустановленного класса, идентифицировать которые не представляется возможным. Объекты ориентировочно стартовали с поверхности Земли. Идут вне эшелонов, с нарушениями установленных правил полетов. Запрашиваю Центральную диспетчерскую...

«Что за фигня?» – подумал вахтенный пилот, попавший за штурвал лайнера прямо с выпускного курса МАИ.

(Было ему столько же лет, сколько одному из двух сотен его пассажиров – Даниле Горовому.)

– Петрович, – бросил он, не оборачиваясь, – кажется, бортовая система загнула...

В следующую секунду длань командира корабля буквально вышибла его из кресла, и все дальнейшее он созерцал с пола кабины.

– Это ты загнул, молокосос!! – выкрикнул вцепившийся в штурвал пилот первого класса Деметрий Диомедович Шкурко. – По нам бьют зенитными ракетами!!

Обычный, даже опытный пилот старой и авторитетной компании «Аэрофлот», наверное, растерялся бы в такой ситуации, но Шкурко был из демобилизованных военных и успел не только поучиться уклоняться от ракет, но даже и встретиться с ними в реальности.

Резко сбросив скорость, он сначала попытался просто увести самолет из конуса захвата сенсоров. Чисто рефлекторно. И хотя тут же понял, что ничего не выйдет, цель слишком крупная, но несколько секунд командир выиграл и за это время успел понять, что нужно делать.

– Экипаж, приготовиться! Сейчас отключим движки, и нас потеряют!

– Ну, с Богом!!

Остановились все двенадцать электромоторов, и воздушный корабль тут же начал скольжение по глиссаде вниз. Ракеты на какое-то время действительно потеряли цель, озадаченно переводя сенсорные головки с одного остывающего двигателя на другой.

Пожалуй, тут бы все и кончилось, будь это обычный реактивный лайнер, к каким привык пилот Шкурко.

Но это был воздушный корабль нового поколения – лайнер с атомным двигателем, имеющим скверное обыкновение вырабатывать весьма много тепла даже на холостом ходу.

Прошли мгновения, и древние «молнии» безошибочно нащупали самую горячую точку цели, сердце лайнера – коллоидный реактор – и, выстроившись в цепочку, устремились вперед.

– О не-е-ет! – простонал второй пилот, оценив ситуацию. – Деметрий, вертай все как было, иначе тут будет один большой летающий Чернобыль!

– Ну, уж не бывать тому! – бросил Шкурко. – «Земля», «Земля», провожу аварийное гашение реактора! «Земля», иду на вынужденную посадку, высылайте помощь.

Салон визжал, орал, кричал, завывал, проклинал все на свете, молясь всевозможным богам – и все это одновременно. Людей швыряло из стороны в сторону, как будто какой-то великан, развлекаясь, тряс самолет, словно погремушку.

Потом вдруг двигатели замолчали, после пары минут болтанки все замерло, и лишь противная легкость во всем теле и нарастающая тошнота давали понять, что происходит.

Ничего не соображающий Даниил не расслышал, что сказал ему Упуат, в самом начале всей этой катавасии запрыгнувший ему на колени.

– Ты оглох, что ли?! – Волчок слегка тяпнул приятеля за ухо. – Держись за меня и не отпускай. Сейчас буду открывать проход...

Данька инстинктивно вцепился в мохнатого нетеру.

– Готовься, раз... два... О, Сет тебе в задницу!! Какой-то барьер...

«Мы пропали...» – отстраненно подумал Даня. А потом...

Одна за другой упали вниз ракеты, дотла спалив весь запас топлива.

Но, увы, было уже поздно вновь запускать всю хитрую машинерию лайнера.

Под крыльями проносились зелень тайги, с каждой секундой ускоряя свой бег. Вот сплошное лесное море уже распалось на тысячи отдельных деревьев, каждое из которых пока еще казалось меньше травинки.

Когда деревья стали уже ясно различимы и прильнувшие в ужасе к иллюминаторам пассажиры даже разглядели под их кронами разбегающихся в разные стороны оленей и кабанов, командир корабля сильно, но плавно подал штурвал на себя, выравнивая машину. Второй пилот одновременно запустил аварийную тормозную систему, и на носу «Ана» вспыхнуло пламя одноразовых реактивных двигателей.

Видимо, лимит несчастий на этот день был исчерпан, и Шкурко таки удалось выровнять аппарат почти идеально, а двигатели сработали, как надо, почти погасив скорость. Так что лайнер произвел, можно сказать, мягкую посадку.

Хлопнули надуваемые мешки безопасности, стискивая обезумевших от ужаса пассажиров.

А потом брюхо Ан-2000 соприкоснулось с землей.

Тысячетонный воздушный исполин мчался вперед через тайгу, ломая, как травинки, вековые деревья, прокладывая великолепную просеку и распугивая на километры вокруг разнообразное зверье, уже во многих поколениях успевшее отвыкнуть от подобных штук *homo sapiens*.

Как красиво это, должно быть, смотрится со стороны! Как невесело быть в такой момент внутри самолета!

Но вот он уже не мчится, а ползет, вот, наконец, останавливается, лишь полсотни метров не доехав до скалистого распада, столкновение с которым превратило бы машину в груду дымящихся обломков.

Естественно, полопались иллюминаторы и погнулись переборки, часть люков и дверей заклинило; кое-где загорелась перебитая проводка, но уцелевшие модули пожарной системы быстро погасили огонь.

Несколько пассажиров оказались зажатыми не захотевшими сдваться мешками безопасности, да еще с одним дородным бельгийским туристом, которого события застигли в туалете второго класса, приключился приступ «медвежьей болезни».

Но дальше уже все пошло как по маслу.

Развернувшиеся надувные желоба, стюардессы, пинками выкидывающие из самолета все еще не пришедших в себя

пассажиров, вопли и стоны (не столько боли, сколько страха), грозные крики пилотов: «Всем отойти от машины!!»...

Кириешко растерянно метался среди всхлипывающих и стонающих пассажиров.

Уже в четвертый или пятый раз он пытался найти в толпе поднадзорных парня и пса.

Но их не было.

Не было!!

Неужели студент сбежал? Но как и когда?

Конечно, он мог вновь тронуться умом от пережитого страха и сразу рвануть в тайгу вместе с собакой. (Ищи его теперь свищи в этом лесу!)

Но его бы тогда наверняка заметили члены команды, специально тренирующиеся хватать и урезонивать впавших в таких ситуациях в панику пассажиров. Пусть даже и не поймали бы, но уж тревогу точно подняли б...

Может, все-таки он его пропустил?

Капитан еще раз пробежал глазами пассажиров.

Толстая тетка с пекинесом... Высокий негр с догом... Тинэйджер с болонкой... Девушка с кошкой... Старик с ручной крысой... Больше людей с животными не было. Проклятье!

Пассажиры загомонили, зашевелились.

Над тайгой появился тяжелый вертолет Центроспаса, а следом – маленький глайдер, на борту которого Кириешко с

радостью разглядел логотип родного министерства.

И тут же понял, что будет делать.

Бегом рванулся туда, куда опустился гравилет, в то время как вся толпа, не слушая стюардесс и пилотов, сломя голову понеслась к вертолету.

Заходящему на посадку гравилету было лет тридцать, так что Кириешко не мог сдержать скептической усмешки. «Бриз» или так похожий на него «Коралл» – какой-то из первых моделей. Но над блистером торчал ствол скорострельной пушки, а на брюхе и бортах имелась навесная пластброня.

Из машины выскочили трое в камуфляже, увешанные оружием.

– Капитан Кириешко, тринадцатый отдел, – рывкнул на них мгопник, не давая опомниться. – Спецоперация по коду «Альфа-примо»!

Лица местных товарищей дружно вытянулись.

Тут Владилен Авессаломович, мягко говоря, преувеличил – режим «Альфа-примо» предназначался для совсем уж чрезвычайных ситуаций. Применительно к его отделу – если бы, к примеру, летающая тарелка приземлилась прямо на Красную площадь.

– Имя, звание, должность? – не давая опомниться, пролаял он.

– Подлейтенант Морозов, младший инспектор территориального отдела МГОП, – поедая глазами Кириешко, сообщил старший из них. – Со мной рядовые Филиппов и Цзю.

Прибыл для расследования обстоятельств аварии гражданского самолета. – В вашем распоряжении, – невпопад закончил он.

– Отлично! – кивнул Кириешко. – Приступайте к своим обязанностям, а мне нужен ваш гравилет. Нужно срочно слетать кое-куда.

– Но, простите, я не уполномочен... – робко начал Морозов.

– Так, – с апломбом изогнул бровь Владилен Авессаломович, – вы что, не поняли – действует режим «Альфа-примо». Вы не забыли, что это такое? Да в конце концов, какое у вас звание, напомните еще раз?

– Подлейтенант, – повторил Морозов.

– Вот, а я капитан!

– Но никто из моих людей не сможет вас сопровождать – у них нет допуска к управлению глайдером! – Местный товарищ сделал последнюю попытку остановить взбесившегося капитана.

– Я сам умею им управлять! – с елейной улыбкой сообщил Кириешко.

Обреченно махнув рукой, подлейтенант протянул ему ключи от машины.

Кириешко шагнул к открытой двери глайдера, задержался на миг возле одного из солдат и небрежно снял с его плеча лазерный карабин «Блиц» – дорогую, но очень эффективную европейскую штучку.

– Да, – уже забравшись в кабину, бросил он, – если тут появится парень с собакой, похожей на волка, немедленно задержите.

– Кого из них, простите? – спросил все еще ошарашенный подлейтенант.

– Обоих.

– А лучшего места для финиша нельзя было выбрать? – спросил Даня, ощущая, как предательски лязгнули зубы.

Ему никто не ответил.

Парень поудобнее примостился в развилке ветвей древней сосны, в самой гуще ее кроны, метрах этак в тридцати над землей.

Его четвероногий спаситель куда-то запропал.

Последнее, что запечатлелось в Данькином мозгу, перед тем как парень очутился верхом на сосновой ветке, – это сизо-молочный туман. Совсем как тогда, когда они с Упуатом перемещались из затерянного в пустыне храма Тота в Мемфис. Тропами Дуата.

И жалобный визг волчка:

«Не понимаю! Не понимаю!»...

Ветер, как это и описывают в книгах, величаво шумел, тяжело колыхая деревья, включая и то, где сидел молодой человек. И вниз смотреть совсем не хотелось. Так же, как и думать, каким образом спуститься на грешную землю.

Глава третья

ЦАРСТВЕННАЯ ОСОБА

– Что?! Что ты сказал, дубина?! Повтори!

– Мы их упустили, шеф...

– Как?!

– Сначала все шло хорошо. А потом бац, гиперпространственная флуктуация и.... В общем, они нырнули в Дуат...

– Но мне обещали... Что стоишь, как памятник последнему Древнему?! Ищите!

– Есть, шеф!

– Не найдете, сами отправитесь туда, откуда нет возврата...

– Нефернефрурэ! – В басовитом мужском голосе слышались истерические нотки.

Уф, как же она не любит это имя. Нет, ну вам бы понравилось, если бы вас назвали в честь древнеегипетской царицы, умершей почти четыре тысячи лет назад?

– Нефертари! – надрывался мужчина.

Хм, уже лучше. Такой сокращенный вариант собственного имени ее больше устраивает. И все равно она не выйдет. Не для того сбежала, чтобы ее вот так просто поймали в трех шагах от дома.

– Фрося! Фросенька! – присоединился к мужскому высо-

кий девчоночий голосок.

Заслышав зов подружки, она чуть не выскочила из своего укрытия. Однако сдержалась. Желание попутешествовать, поразведать, что там и как в дальних краях, за Старыми Соснами, пересилило.

– Фрося-а!

– Нефернефрурэ! Фроська-а!

Голоса постепенно удалялись, пока их и вовсе не стало слышно.

Переждав еще малость, она выбралась наружу.

«Нефернефрурэ!» – фыркнула.

Надо же до такого додуматься! Не иначе как со зла пришло в голову директору заповедника так ее назвать. Точно ждал, что у вожака стада Тутмоса Третьего и его подруги Хатшепсут родится наследник Аменхотеп Второй. А родилась она. Вот и придумал прозвище, что сразу и не выразишь.

И вообще, что за блажь давать реликтовым слонам имена древних египтян? Намек на то, что и те, и другие вымерли? А все он, директор Сибирского Центра восстановления древних видов, академик Дмитрий Андреевич Бакалов-Синицкий. Буквально помешан на Египте. Мало того, что все стены кабинета увешал масками да папирусами, привезенными из частых поездок в Хургаду и Шарм-эль-Шейх, где уже привык каждую зиму проводить отпуск, так недавно додумался до такого-о...

Из-за этого, собственно, Фрося и решила сбежать из питомника.

Из последнего затриморского вояжа Дмитрий Андреевич привез странный ящик. Когда помогавший его выгружать Тутмос Третий попытался было сунуть в необычно пахнущий предмет свой любопытный хобот, Бакалов-Синицкий строго прикрикнул на любимца. Да так жестко, что пятиметровый гигант с досады даже взрыл землю бивнем. Пришлось академику убаживать разгневанного вожака всего мамонтового поголовья экзотическими лакомствами – морковкой да капустой. Очень уж Тутмос Великий уважал эту еду, предпочитая ее до смерти надоевшим бананам с ананасами.

Успокоившись, шерстистый гигант одним глазом посматривал за тем, как ящик раздора устанавливают в специально выделенном помещении рядом с директорским кабинетом. Второй глаз вожака был зорко устремлен на отиравшуюся поблизости Нефернефрурэ. Вот егоза-то! Так и норовит в какую-нибудь шкodu влезть. Пора бы и остепениться. Не такая уж и маленькая. Два с половиной года. Уже с пол-отцовского роста вымахала, а все резвится, точно новорожденный мамоненок-несмышлениш. «Отойди от окна!» – тихонько протрубил Тутмос и потянул дочку за хвостик.

Егоза так и послушалась. Прилипла к распахнутым створкам и ни с места.

Вожак побурчал, побурчал, но больше для порядка. Ему и самому было любопытно, из-за чего это директор повысил

на него голос.

Рабочие споро распаковали ящик, открыв нечто, запакованное в полиэтиленовую пленку. Тогда к непонятному предмету подошел смуглый человечек, приехавший вместе с академиком, и начал деловито снимать упаковку. Сбросив ее на пол, человечек явил заинтересованным людям и мамонтам странную скульптурную композицию: человек с головой собаки склонился над столом, на котором лежало спеленатое человеческое тело.

Смуглый что-то там подкрутил, чем-то кляцнул, и Псоголовый... ожил. Сначала распрямился во весь рост, гордо расправив плечи. Повертев мордой туда-сюда, он раскрыл пасть и выдал набор непонятной тарабарщины. Впрочем, непонятной не для всех.

Услышав произнесенное Псоголовым, Бакалов-Синицкий довольно захохотал.

«Это он поинтересовался, чего все на него таращатся», — пояснил академик остальным.

Удивительное существо, которого, как уже догадалась Фрося, звали Анубис (изображения этого Псоголового в большом количестве и в разных видах присутствовали в кабинете директора), снова склонилось над спеленатым и принялось что-то там поправлять и манипулировать. Взяв в руки причудливо изогнутую железку, Псоголовый поднес ее ко рту мумии (Нефернефрурэ таки вспомнила, как это называется) и стал напевать себе под нос заунывную песенку на том

же непонятном языке.

«Обряд отверзания уст», – прокомментировал Дмитрий Андреевич.

Поколдовав так немного, Анубис вновь принял первоначальную позу и замер.

Зрители, кто мог, захлопали в ладоши, а те, у кого не было рук, затрубили в хоботы. Причем Тутмос Великий до того переусердствовал, что во всем здании офиса жалобно зазвенели оконные стекла. Одно из них не выдержав, лопнуло.

Одна Фрося не примкнула к общему восторгу. Не понравился ей этот Псоголовый. Что-то враждебное, чужое чувствовалось в нем. А что, она и сама не могла толком объяснить.

«Надо будет проверить», – решила про себя.

И проверила. Не далее как сегодня утром.

Окно в нужное помещение словно по заказу было открыто настежь. Фрося протянула в него свой длинный хобот и для начала обнюхала Псоголового и его жертву. Пахло просто отвратительно!

Интересно, как люди делают, чтобы все это заработало?

Мамонтиха попыталась просунуть голову в окно, чтоб лучше рассмотреть фигуры. Рама жалобно затрещала, но выдержала. Хорошо, что академик приказал сделать в офисе такие большие окна. Как будто знал, что найдется немало любопытных глаз, желающих понаблюдать за работой ученых.

Тычась хоботом то в Псоголового, то в мумию, неутомимая исследовательница случайно-таки запустила механизм. Анубис сделал резкое движение и чуть не выбил Фросе глаз. Она испуганно дернулась и при этом невзначай... зацепила дурно пахнущее существо своим бивнем.

Внутри Псоголового жалобно звякнуло. Он издал булькающую фразу на своем маловразумительном наречии, вздрогнул всем телом и, согнувшись пополам, затих. Фрося хотела распрямить его, но не рассчитала силы и сделала только хуже. Фигура Анубиса и вовсе распалась на две части. Прямо в поясе. В хоботе мамонтихи осталась зажатой верхняя часть, с головой и руками.

Перепугавшись, Нефернефрурэ шарахнулась прочь от поврежденной игрушки.

«Ну, что теперь будет?» – представила проказница и зажмурилась от страха.

Механический Анубис был гордостью академика Бакалова-Синицкого. Всех уважаемых гостей он первым делом тащил в соседствующую с его кабинетом комнату, а уж затем вел показывать питомник.

Каким Дмитрий Андреевич бывал в гневе, Фросе уже приходилось видеть. Бр-р! Зрелище не из приятных.

Особенно запомнился тот случай с бывшим замдиректора Головатым. Академик прознал, что его правая рука продает на сторону документацию и опытный материал. И кому?! Даже не европейцам, которые уже седьмой год шпионят

за СЦВДВ, безнадежно пытаюсь возродить мамонтов у себя в Лапландии. Японцам! Их Курильскому НИИ реликтовых животных. Мало им отобранных островов, так они еще их русскими мамонтами заселить желают! Дудки!

Подобного предательства Бакалов-Синицкий потерпеть не мог.

Как он кричал, как он топал ногами. Какие слова извергал на отступника!.

Тутмос Великий даже велел своим сородичам захлопнуть поплотнее уши. А дочку и вовсе прогнал в самый дальний слоновник.

Теперешнее происшествие, конечно, не тому чета. Но все равно бури не миновать. А Фрося не любит, когда на нее повышают голос.

Вот и решила она уйти куда глаза глядят. Пока скандал не замнется.

Глаза же ее уже давно глядели туда, за Старые Сосны. Где заканчивались пастбища их заповедника. Что там да как? Разве не любопытно?

И пусть родители говорят, что подобное путешествие «чревато опасностями» из-за каких-то браконьеров, которые «в последние полгода заметно активизировали свои действия» (вот ведь какие замысловатые выражения придумали эти взрослые). Да и подружка Вероника, дочь Бакалова-Синицкого, не советовала ей отправляться в «большой мир» без надежного спутника. А где его, надежного-то, здесь оты-

щешь? Ее сверстник Синухет ни за какие коврижки с морковками не желает составить Фросе компанию.

Ну и ладно. Сама справится. Чай не маленькая. Не зря же ей отец все время твердит об этом.

Раньше она думала, что сразу за Старыми Соснами находится если не край света, то уж точно Великая Пустошь. Где ничего не растет, даже трава.

А выяснилось, что это совсем не так.

Миновав три самых древних дерева, таких высоченных, что даже ее папа, Тутмос Великий, не дотянулся бы до их верхушек кончиком хобота, Фрося обнаружила молодой лесок. Причем не хвойный, как вокруг их заповедника, а лиственный.

Здесьние деревья оказались значительно ниже тех, что остались у нее за спиной. И ощипывать их было намного приятнее.

Протянешь хобот, подцепишь пучок сочной зеленой листвы – и в рот. Объедение! Не то что эти комбикорма да сбалансированное питание.

А еще встречались всякие корешки, грибы и ягоды. Конечно же Нефернефрурэ была благоразумной девочкой и не ела все, что под ноги попадалось.

«Мамонты – это ведь не свиньи какие-нибудь, а животные с высшей нервной деятельностью», – с гордостью вспомнила она фразу, которую любил повторять главный зоотехник, наблюдая за кормлением обитателей питомника, про-

цессом необычайной важности и сложности. Тут что не по науке считаешь, и пропали десятилетия напряженного труда экзобиологов. Мамонты перестанут расти, нормально развиваться и размножаться.

Фрося прекрасно знала, что есть вредные растения, которые ну совершенно нельзя употреблять в пищу.

Вот хотя бы эти черные ягодки. Такие крупные и аппетитные на вид. Но съешь их, и расстройство желудка тебе обеспечено. А вон от тех может и чего похуже приключиться. Хотя, признаться, пахнут оба-алденно!

«Нет! Мимо, мимо-о!» – скомандовала себе она.

Нужно быть благоразумной. Едва выйти в большой свет – и тут же влипнуть в неприятности? Как будет злорадствовать вреднюга Синухет. Не доставим ему такой радости.

А это что такое? Оранжевое, продолговатое. Дух как будто бы знакомый, но смутно-смутно.

Нет! Не может быть!

Неужели... морковка?!

Такая экзотика и здесь. Притом в тако-ом количестве. Целая гора, не меньше. Что же это за разиня ее тут рассыпал?

Фрося повертела головой. Поблизости никого не было.

Наверное, это высыпалось из того грузовика, который недавно привозил на базу продукты.

Вот ротозеи. Даже не заметили. Что ж, сами виноваты. Как говорится, что с возу упало, то нам в рот попало.

И мамонтиха стала сосредоточенно поедать редкий про-

дукт.

Шажок, другой.

Внезапно земля расступилась у нее под ногами, и Нефернефрурэ полетела вниз.

«Ну вот», – пронеслось у нее в мозгу.

Нестерпимо болела голова. Прямо раскалывалась.

Как с хорошего перепоя.

Сет их побери, эти перемещения в Дуате. Отвык, наверное, забыл, каково это бывает. И делал вроде бы все правильно. А вот не сработало. Точнее, сработало, но не так, как хотелось бы. Словно кто-то поставил барьер. Или даже ловушку, капкан.

«Капкан на волка», – невесело осклабился.

Знать бы еще, кто охотник.

За все то время, пока он пребывал в этом чужом и малопонятном для него мире, Упуат ни разу не почувствовал постороннего внимания к своей персоне. Однажды, правда, ему что-то померещилось. Это в тот распроклятый день, когда он напугал очкастую собачницу.

Надо же так сорваться. Глупо, по-щенячьи.

А все третья бутылка «Оболони». Явно же была лишней. Сам понимал. Но поделаться с собой ничего не мог. Такая вдруг тоска навалила, хоть волком вой. (Хм...) Ни с того ни с сего вспомнились друзья: Мастер Хнум, Носатый Тот. Как они пережили изгнание? Даже попрощаться с ними толком

не удалось. Послал последний привет по мыслесвязи, перед тем как вслед за Данькой прыгнуть в Бен-Бен, и все.

Ему на пару минут показалось, что старые товарищи материализовались здесь, в неуютной малометражной (и почему Данилу устраивают жалкие двести квадратных метров) московской квартире, и, как в славные времена, принялись соревноваться с ним, кто кого перепьет. Ну, разве мог он, признанный в команде нетеру чемпион по поглощению пива, уступить Барану с Ибисом? Ясно, не мог.

Расслабился. А тут дурища со своим вопросом: «Это у вас мексиканская овчагга?»

Вот коза-то. Сначала к логопеду запишись, а потом оскорбляй великих богов! Да-да. Послал, понятное дело. Хорошо еще, что не по матушке. Хотя мог. В отличие от некоторых, овладел всеми резервами «великого и могучего русского языка».

Он, может быть, и промолчал бы. Мало ли в Москве полумных старых дев. Да уж больно задела фразочка насчет секретных экспериментов в биологических лабораториях. Напомнила о давнем визите в комиссию по чистоте расы. Как раз накануне отсылки на Землю.

Ох и намаялся тогда с блюстителями расового порядка. Раскопали о нем всю генетическую подноготную до пятого колена. Один из членов комиссии, чистоплюй из аристократического клана Охотников, умудрился-таки нарыть компромат.

«Дожили! – вопил, сверкая красными глазами альбиноса. – Посылаем на ответственнейшее задание генетических мутантов!»

Еле удалось отбиться. Но при голосовании Сет (так звали красноглазого обличителя) высказал особое мнение и потребовал, чтобы его занесли в протокол. Мало того, этот расист отказался участвовать в одной с Упуатом экспедиции!

Наверное, злорадствовал, когда все так глупо получилось с планом Гора. Предупреждал же, что «от этих полукровок одни беды».

Так вот, вечером, после всей этой катавасии в парке, Проводнику на миг показалось, что в него вперился пылающий ненавистью взгляд красных очей. Аж дух захватил.

Списал все на пиво и нервное перенапряжение. На два дня запретил себе входить в Глобалнет...

Неужто подсознательное чутье не обмануло?

Бред! Не мог его обвинитель протянуть так долго. Нетеру славятся своим долголетием. Но чтобы жить пять тысяч лет... Подобные рекорды встречались только среди Древних. По легендам, те вообще бессмертны.

Просто нужно повторить эксперимент. Вот если снова сорвется, тогда...

Что «тогда», думать не хотелось.

Но куда запропастился разлюбезный друг-приятель Данька? Не приведи Великий Дуат, его забросило к Апопу на кулички.

Не должно бы. Упустил парня за мгновение до того, как самому выпасть в реальность. Разумеется, в Дуате мгновение может обернуться и парой километров и сотней световых лет. Но все то же чутье не давало волчку впасть в пессимизм. Он знал, что с Данилой все в порядке. Вот просто знал, и все.

Естественно, было бы намного проще, владей Горовой хоть мало-мальскими навыками мыслесвязи. Однако у землян телепатические способности крайняя редкость. Так что придется полагаться на собственные нюх, уши и лапы. Авось и сейчас не подведут.

Пробежав пару километров по молодому леску, Упуат вдруг остановился как вкопанный.

Он услышал призыв о помощи...

Фрося осторожно приоткрыла глаз.

Последнее, что ей запомнилось, – это то, что она провалилась в яму. Теперь Нефернефрурэ снова была на земле. Кто-то ее вытащил.

Наверное, эти люди? Откуда они взялись? Какие-то все злые на вид, неприятные.

И отчего она связана? Посадили в огромную авоську, словно какой-нибудь банан или ананас.

Мамонтиха попробовала пошевелиться. Получалось плохо. «Авоська» была сплетена из толстых стальных тросов.

Поднатужилась еще немножко. Ага, вроде бы путы чуток

ослабли. Верно, плел тот, кому никогда прежде не доводилось иметь дела с мамонтами.

Ну ка, поднажмем.

Тросы затрещали.

Фрося почувствовала, что еще пару усилий, и она будет свободна.

Но тут ее маневры были замечены. К ней подскочил один из злых людей и изо всех сил ударил тяжелой палкой.

Ушибленную ногу обожгла боль. А вслед за ней накатила горячая и темная волна ярости.

Да как он смеет ее обижать?!

– Что, тварюга, больно? – противно осклабился злой человек. – Тогда лежи и не рыпайся. Все поняла?

Он снова замахнулся на Фросю своей дубинкой.

– Оставь ее, Федот, – послышался знакомый голос.

Рядом с первым встал второй человек.

– Ну, что, ваше высочество, – с издевкой обратился он к связанному животному, – узнала?

Еще бы не узнать. Подлый предатель!

Презрительно фыркнула и попробовала отвернуться.

– Узнала! – удовлетворенно кивнул Головатый. – Умная.

Сплюнул.

– А что же ты, если такая умная, из заповедника сбежала? Разве ж тебе не было говорено, что путешествовать в одиночку, даже таким большим девочкам, как ты, опасно?

Лишь жалобно вздохнула в ответ. Говорили, и не раз.

– Вот видишь. Теперь пеняй на себя.

– Да что вы с ней, как с человеком-то, гудорите, Василь Василич? – удивился Федот. – Она же тварь бессловесная.

Бывший замдиректора презрительно посмотрел на своего подручного. С кем работать приходится.

– Уж поумнее тебя, орел, будет. Видишь, голова какая огромная. Значит, и мозгов в ней больше, чем в твоей курьей башке.

– За петуха ответите, Василич, – набылчился шкафообразный Федот и пару раз демонстративно подбросил в руках свою дубинку.

– Кончайте базар! – встрял между ними третий мужчина. – Не хватало еще всю операцию угробить. Три месяца работы насмарку. И так выше крыши подфартило с этой блудной слонихой.

– Мамонтихой, – поправил Головатый.

– Един хрен! Ты лучше давай связывайся с заказчиком. Пусть быстрее высылают вертолет или что там у них. Надо сматываться. Не ровен час очкарики тревогу подымут. Небось уже ищут пропажу.

Василий Васильевич достал из кармана спутниковый телефон и, отойдя в сторонку, начал с кем-то общаться на неведомом чирикающем языке.

Федот покрутил пальцем у виска и снова подошел к связанной мамонтихе. Негромко ругаясь, стал проверять крепость сетки. По мере обследования стальных пут ругатель-

ства становились все громче и ярденее.

– Ни фига себе! Сохатый, ты глянь, что эта стерва с сеткой сделала. Теперь хрен транспортировку выдержит.

Третий мужчина приблизился к Фросе и, бегло осмотрев тросы, тоже заковыристо ругнулся.

– Умник! – прикрикнул он на Головатого. – Хиляй сюда! Есть проблемы!

– А, что такое? – оторвался от телефона Василий Васильевич. – Вертолет уже вылетел. Часа через полтора будет здесь.

– Спроси, нет ли у них на борту запасной сетки?

Головатый прощелбетал в трубку пару слов и, выслушав ответ, отрицательно затряс головой.

– Хамбец котенку! – уныло прогнусавил Федот. – А точнее, слоненку.

Он плотоядно уставился на пленницу. У Фроси от нехороших предчувствий похолодело сердце.

– Что делать будем. Василич? – поинтересовался Сохатый. – Задействуем план номер два?

Бывший замдиректора скривился, как от зубной боли.

– А может, все-таки выдержит?

– Где там, сам посмотри.

Головатый оценил повреждения, причиненные сетке попытками мамонтихи выбраться на волю.

– Что ж ты так, Фрося? – спросил тихо. Нефернефрурэ виновато хрюкнула. А вы, мол, чего. Первые же начали.

– Все так хорошо шло. Покатали бы тебя на вертолете,

привезли бы в красивое место, где жила бы ты припеваючи. В сто раз лучше, чем в твоём старом заповеднике. А теперь придется тебе сделать больно.

Подозвал Федота.

– Давай ты.

– А сам чего, кишка тонка? – гнусно захихикал увалень.

– Мне нужно подготовить контейнер для транспортировки биоматериалов! – отрезал Головатый и быстро удалился.

Федот вытащил из-за пояса огромный нож-тесак и ногтем проверил остроту лезвия.

– Ну, умница-разумница, сейчас проверим, не жестковато ли у тебя мясо. Давно мечтал о хорошем шашлычке из молодого мамонта! Гы-гы-гы!!

Резко кольнул ножом прямо в Фросину ступню. Слышал когда-то, что у слонов это самое слабое место.

Нефернефрурэ забилась, силки затрещали.

– Ты, садист! – прикрикнул на него Сохатый. – Кончай свои развлечения. Времени нет!

Мамонтиха, которой удалось высвободить хобот, вытянула его и протяжно и громко затрубила.

– Эй, ты чего?! – всполошился Федот.

– Заткнись сейчас же! – прикрикнул на нее Головатый.

В его голосе зазвучала ненависть. Видно было, что он пытается накрутить себя:

– Заткнись! Полукровка, генетический мутант!

Оказавшись на краю широкой поляны, Упуат, спрятавшийся в высокой траве, оценил обстановку.

Трое людей столпились вокруг чего-то огромного, опоясанного стальными тросами. Волчок присмотрелся к коричневому шерстистому шару и тихонько присвистнул от удивления.

Надо же, самый настоящий мамонт!

Ему попадалась в Сети информация об экспериментах, проводимых в Сибирском Центре восстановления древних видов, но, если честно, он ей не очень поверил. Слишком низок уровень развития земной науки. Очень низок. Надо же, еле-еле на космические просторы выбрались. Дальний космос никак освоить не могут, все топчутся в своей Солнечной системе. Где уж им проводить масштабные генетические эксперименты.

Хм, хм. Значит, не утка все эти сенсационные выступления академика... как же его... да, вспомнил, Бакалова-Синицкого. Молодец, настоящий ученый.

Так.

Судя по всему, несчастное животное попало в руки браконьеров. Оно же и звало на помощь.

Жаль, но ничего не поделаешь.

Путеводителю до всего этого нет никакого дела. Его ли, великого и благого нетеру, печаль опускаться до мелких дрязг ничтожных созданий? Не все ль ему равно, кто из них и чем зарабатывает себе на жизнь. Своих забот по горло. Нуж-

но срочно разыскать Даньку.

Волчок уже хотел потихоньку убратъся восвояси, но тут ветер случайно донес до него обрывок фразы, сказанной одним из людей:

– Полукровка, генетический мутант!

Что-то щелкнуло в голове.

Кровавого цвета глаза уставились прямо в его душу.

Не помня себя от ярости, Открыватель Путей ринулся в атаку.

– Всем стоять! Это операция Глобалпола!

Троица испуганно оглянулась, но, увидев, что на поляну не выскочили бравые вояки в бронежилетах и не вылетели спецмашины с мигалками, расслабилась.

– Это ты пасть раскрыл, умник? – Федот замахнулся кулаком на Головатого.

Тот отпрянул и поставил защиту.

– Совсем офонарел, наркуша, пальцем деланный?!

– Тогда кто, Сохатый?

– Я тебе! – насупился суровый пахан. Фрося притихла. Она-то сразу поняла, что угроза вылетела... из пасти черной собаки, выбежавшей из кустов.

Что-то непременно должно произойти.

Нефернефрурэ жила на белом свете всего лишь два с половиной года, но уже успела узнать, что псы создания хоть и умные, но совершенно безгласные.

– Кто тут у вас такой породистый выискался?! – прорычал

Путеводитель, ощерив зубы на браконьеров.

– Слышь, Сохатый, – выронил из рук нож Федот. – Это чего, собака... разговаривает?

– Магнитофон! – неуверенно сказал пахан. – Ментовские штучки! Наверное, затаился какой-нибудь шатун-одиночка в кустах, гнида позорная, и прикалывается! Психологическая атака, понимаешь...

Он выхватил из-за пазухи пистолет и, направив на ушастого пса, пару раз пальнул разрывными.

Никакого эффекта.

Собака как стояла, так и стоит.

Сохатый удивленно заглянул в дуло, потом проверил обойму. Неужели впопыхах зарядил холостыми? Да нет, все в порядке.

– Не наигрался? – издевательски показал язык черный урод.

Бах! Бах!

Та же картина.

– Гос-споди Иисусе! – мелко закрестился Головатый.

– А, а, обороте-ень!! – дурным голосом завопил Федот.

Он подобрал свой тесак и теперь, размахивая им, как саблей, попер на исчадие ада. Сделав всего два шага, верзила кулем свалился на землю, оглушенный ударом его же собственной дубинки.

«Нечего было драться!» – удовлетворенно подумала Фрося, завладевшая вражеским оружием, которое Федот опро-

метчиво бросил на траве рядом с обездвиженной мамонтихой.

К активным военным действиям она была не годна из-за этих проклятых стальных тросов, но ее хобот и сам по себе грозная сила, а уж с дубиной...

Сохатый решил перейти к более действенным средствам. В его походной сумке как раз совершенно случайно «завалялась» парочка гранат.

– Василич, ложись! – скомандовал он и, метнув снаряд, упал на землю, спасаясь от осколков и ударной волны.

Странно, но ни первого, ни второго не последовало.

Пахан поднял голову и еще успел заметить, как изо всех ног улепetyвает в сторону леска Головатый.

– Ах ты, су...

Договорить на этом свете ему было не суждено.

Фрося с восхищением наблюдала за действиями соратника по оружию.

Когда в его сторону полетело что-то круглое и серебристое, напоминающее маленький ананас, пес замер на месте. Из его глаз вырвались два желтых луча, слились в одно густое облачко, которое устремилось навстречу летящему предмету. Соприкоснувшись друг с другом, шар и облачко ярко вспыхнули, и оба бесшумно исчезли.

После этого собака взвилась в воздух, плавно перелетела через поляну и опустилась прямо на спину распростертого на траве Сохатого.

Новая вспышка, и от врага ничего не осталось.

Мамонтихе сделалось страшно. Она даже зажмурилась и сквозь веки различила еще два сполоха.

Потом почувствовала, что ее путы исчезли.

Оказывается, не все так плохо, удовлетворенно констатировал Упуат.

Навыков Проводника он не утратил. Вон как лихо спровадил этих троих. Пусть теперь где-нибудь в другом месте борются за чистоту крови.

И все-таки незапланированная потасовка отняла у него много сил. Сейчас бы принять дозу восстановителя и отлежаться где-нибудь с полсуток. Да времени нет. Кто знает, где сейчас его напарник, что с ним. Не влип ли снова, избави Великий Дуат, в очередную пакость.

Еле передвигая лапами, волчок заковылял прочь с поляны боя.

У-у-у, как скверно-то! Намного хуже, чем он думал.

Что-то уцепилось за его хвост, легонько дернуло. Открыватель Путей обернулся.

Надо же, спасенная мамонтиха. Стоит, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Чего тебе? Я тороплюсь.

Косматая глыба принялась качать головой. Наверное, благодарила за оказанную услугу.

— Да что там, живи, землячка.

«Нефернефрурэ!» И кто только додумался назвать мамонтиху в честь древнеегипетской царицы, жившей четыре тысячи лет назад?

Между тем царственная особа, казалось, хотела сказать волчку что-то важное.

Вот она протянула свой хобот сначала к нему, потом положила себе на спину. И так повторилось несколько раз.

– Ты что же, – догадался Путеводитель, – предлагаешь мне прокатиться верхом на твоей спине?!

Нефернефрурэ энергично затрясла гигантскими ушами. Он задумался и оценивающе посмотрел на новую знакомую.

– Эх, была не была!

Глава четвертая

ПРИЗРАКИ УРОЧИЩА ХАРР-БАСС

– Есть, шеф!

– Что есть? Выражайся яснее, остолоп!

– Удалось засечь три случая гиперпространственной флуктуации!

– Где?!

– В квадрате ХБ-4, шеф!

– Прекрасно. Что говорят аналитики?

– Это он, шеф, несомненно, он.

– Готовьте мой гравилет.

– Да... Конечно... Но как же быть с пунктом девятым «Правил колонизации планет с примитивными формами цивилизаций»?

– Ах, акхучье дерьмо!!

– Так точно, шеф!

Поминутно проклиная судьбу, мокрый от обильной испарины, Даниил Горовой медленно сползал вниз, по стволу столетней сосны. Руки резала обвившая ствол кое-как приспособленная петля из брючного ремня, и теперь они предательски сползли, обнажив совсем не героическую часть тела, которую хоть и было некому видеть, но было кому кусать – комары не упустили возможности полакомиться молодой

кровошкой. Мышцы сводила усталость. Несколько раз ноги соскальзывали, и он чувствительно стучался лбом.

Иногда на голову падали шишки – их сбрасывали (и он подозревал, что специально) резвящиеся в кроне белки.

Но цель была близка – до земли оставалось уже метров шесть, и археологу пришлось отгонять соблазн попробовать прыгнуть вниз, рассчитывая на свою ловкость и мягкий мох.

Ну где же этот Упуат?! На кого он его бросил в этой рас-проклятой тайге?!

Когда до земли оставалось чуть меньше трех метров, он рискнул и прыгнул.

Минут пять Даня, не стесняясь, высказывал все, что он думает о жизни и этом мире вообще, Эвенкии в частности, всяких инопланетянах, сующих нос в земные дела, Аэрофлоте и подвернувшейся ноге.

А заодно – о древних идиотах, неизвестно зачем поставивших тут непонятно в какие времена какую-то фанерную дрянь вроде поясных мишеней в тире, на которую он налетел, прыгнув.

Сейчас эти уродливые, неумело вырезанные фигурки, обступившие сосну, словно издеваясь, смотрели на него лицами, нарисованными краской, давно уже облупившейся. Вообще-то надо бы испытать почтение к старине – им же сто лет. Но Горовой проявил несвойственный его профессии вандализм, и, когда боль слегка отступила, еще и повалил

оставшиеся.

Отведя таким способом душу, прихрамывая, Данила двинулся в лес, совершенно не представляя, куда пойдет. Сейчас он хотел одного – уйти подальше от проклятой сосны.

Прошел лишь десяток шагов по лесу, когда вдруг боль взорвалась в голове страшным ударом. Теряя сознание, он чувствовал, как на него, рухнувшего наземь, навалилось сразу несколько человек, как выворачивали назад руки, торопливо связывая, и как, скрутив, потащили куда-то. А потом он провалился в забытие. Или – теперь уже в небытие?..

Как выяснилось – не в небытие. Открыв глаза, Даниил обнаружил, что его выволокли на середину какой-то полутемной избы и прислонили (другого слова не подберешь) к резному столбу.

Конечно, о загробном мире достоверно ничего не известно, но вряд ли «тот свет» выглядит именно так.

Когда глаза парня привыкли к свету древних ламп накаливания, он украдкой начал оглядываться. Стены были увешаны ветхими полотнищами с непонятными знаками, напоминающими не то скандинавские руны, не то ассирийскую клинопись.

У стены стояли четыре антикварных кресла с полопавшейся пластиковой обивкой, в которых восседали четыре старика.

Все они были одеты довольно странно – кургузые, со следами частой, хотя и аккуратной починки, черные пиджачки,

дурацкие черные галстучки, брючки школьного вида и начищенные до блеска штиблеты. Что удивительно, нос каждого украшали (и это в наше-то время биолазерной коррекции) круглые очки. Среди них выделялся годами и солидностью глубокий старец с даже не седой, а прямо-таки желто-зеленой от времени бородой.

И не будь Данька так измучен и оставь его в покое головная боль, он бы точно рассмеялся – так не соответствовал прикид старикашки его древнему, благолепно-величественному облику.

– Ответствуй, жалкий! – строго произнес старец. – Не хулил ли ты великого пророка нашего?! Не поносил ли священную Сову? Не есть ли ты слуга гнусного Видальдерморта, явившийся в сию обитель, дабы поколебать веру нашу?

– Нет, – ответил Даниил со всем возможным подобострастием в голосе.

При этом он говорил чистую правду.

– Зачем же явился ты сюда, в тайную обитель последователей Пророчицы, если не для злых козней?! – воскликнул дедок. – Зачем сломал святые изображения?!

– Я не... – начал было археолог, чувствуя себя почему-то так, как если бы внезапно угодил на какой-то идиотский спектакль.

– Молчать!! – взвился другой старикан, менее древний, но зато, пожалуй, самый противный на вид. – Молчать, нечестивец!!

Он замахнулся на Даню резным посохом, но закашлялся и сел прямо на пол, схватившись за грудь.

Его налитые кровью мутные глаза с ненавистью смотрели на пленника.

– Успокойся, брат, – елеиным голоском остановил его третий. – Не забывай, заблудшая душа еще может быть спасена для Пророчицы и дела ее...

– Но грешное тело должно быть наказано в любом случае, – назидательно и веско изрек четвертый и последний из старых перечников – тощий, с совой на плече и, как та сова, крючконосый и лупоглазый.

Последнее наблюдение не прибавило Даниилу оптимизма. Впрочем, его, этого оптимизма, и без того было весьма мало.

– Это уж как водится, брат Инквизитор, – подтвердил первый старец.

– Итак, ответствуй, заблудшее дитя, свалившееся с небес, сожалеешь ли, что уничтожил древние изображения?

«Это он, наверное, о том фанерном чучеле, на которое я так неудачно приземлился, спускаясь с сосны», – догадался Горовой и энергично закивал головой, мол, сожалею.

– Раскаиваешься ли ты в грехах своих и в том, что предки твои отринули святые истины? Готов ли ты отречься от заблуждений и уверовать в пришествие на Землю Хариуса Поттера?

И тут, наконец, Даня понял, куда он попал – и несмотря

на весь трагизм ситуации, невольно расхохотался.

Роулианцы!

Старая и почти забытая конфессия, запрещенная в числе других тоталитарных сект еще пресловутым «Эдиктом о веротерпимости» от семьдесят седьмого года, наряду с национал-коммунистами, анархо-либералами, сибирскими друидами, истинно русским белым Буду и тому подобной дребеденью.

Все думали, что роулианцы давно исчезли, а они вот где окопались. В большой заповедной зоне.

– Глумишься над священным именем!!! – заверещал самый противный старикашка, кинувшись на Даниила с посохом наперевес.

Палка, причем довольно-таки увесистая, врезалась в столб рядом с головой археолога и вскользь задела одного из амбалов, приволокших парня на судилище и, по всей видимости, бывших у дедов чем-то вроде личной гвардии. Тот пискнул нечто похожее на «Премного благодарен, ваша святость». Дед, изрыгая проклятия, сверзился на пол, посох с грохотом покатился по выщербленным доскам.

А Данька все хохотал, просто не в силах остановиться.

Конечно, это была истерика, вызванная усталостью и всем прочим. Но ведь ему и в самом деле было смешно.

Великий пророк Хариус Поттер!

Пророчица!!

Священная сова!!!

Когда парень отдышался, то веселости поубавилось. По лицам древних хмырей и их подручных он понял, что его ждут крупные неприятности. Так и случилось.

Отойдя в дальний угол, старцы принялись хмуро совещаться полупшепотом. Поднявшийся с пола носитель дубинки, зло шипя, так и брызгал слюной, крючконосый сурово вертел головой, как его сова, а главный дед разводил руками, глядя на Даню и как бы говоря: я сделал все, что мог, и не виновен в твоей судьбе.

Но вот старцы пришли к решению и чинно уселись в кресла. Заговорил тот, кого называли Инквизитором.

– Именем Совета Харр-Басской обители! Грешник, отрицавший истину Пророчицы, и похули... хули... хули...

Он поперхнулся, сова на его плече завозилаь и подозрительно уставилась на Даниила. Так, как если бы он был большой и вкусной мышью.

– Короче, – наконец справился с собой Инквизитор, свирепо глядя на не сумевшего сдержать усмешки археолога. – Готовься к смерти. Примешь ты муки мученические и пытки, а после, дабы искупить вину свою, будешь скормлен священным совам – слугам господина нашего!

После оглашения приговора на голову Дане был водружен пыльный мешок, и грубые лапы конвоиров повлекли его в неизвестность.

Измученные, совершенно потерявшие всякую надежду сталкеры наткнулись на эту крошечную прогалину, когда были готовы упасть и умереть.

Дорога сквозь тайгу отняла последние силы. Они уже и сами не помнили, сколько времени блуждали по этим непролазным дебрям. Последние запасы провизии кончились еще вчера. И хуже всего, сталкеры очень плохо представляли, что им теперь делать.

В тот день, когда Карлуша своим дурным любопытством погубил себя и чуть не отправил на тот свет несколько сотен ни в чем не повинных пассажиров, удача раз и навсегда отвернулась от поисковиков.

Во время бегства по реке, идя на малой высоте, они угробили экраноплан. Сидевший за штурвалом Сержант не справился с управлением и распорол брюхо машины о прибрежную скалу.

Сталкеры едва выпрыгнули сами и вытащили рюкзак с едой. Все остальное, включая добычу, которую они успели перетащить на суденышко до катастрофы, пошло ко дну. (Единственное, что осталось, – драгоценный царский конверт, спрятанный за пазухой у Мухи.)

Потом, как лоси, неслись через тайгу напролом, не разбирая дороги.

Когда, отдышавшись, обнаружили, что вместе с экранопланом пропал и спутниковый компас, было уже поздно. Они совершенно не представляли, в какую сторону двигаться да и вообще, как теперь выбираться из этой чертовой Эвенкии на своих двоих? Дня через три после катастрофы сталкеры вышли к какому-то селу (а может, стойбищу: кто их тут разберет?).

Неразлучные Тотоша и Кокоша вызвались отправиться вперед на разведку.

Спустя пару часов прямо над головами предусмотрительно не зажигавших огонь сталкеров проплыл низколетящий глайдер с эмблемой Эвенкийской природоохранной службы. У него под брюхом в здоровенной сетке беспомощно болтались накрепко спутанные приятели.

Наверняка их приняли за браконьеров, решивших поохотиться в здешних девственных лесах на мамонтов или еще какую редкую живность, так что не меньше шести месяцев на женшеченевых плантациях или сборе кедровых орехов им обеспечено. Впрочем, неизвестно кому повезло больше. По крайней мере, теперь Тотоша с Кокошей обеспечены крышей над головой и трехразовым горячим питанием; а кроме того, федеральные власти иногда выкупали проштрафившихся туристов у здешнего шаманского начальства.

А вот оставшимся троим предстоит долгий и тяжелый путь с неизвестным результатом.

Первой плач услышала Муха. Вначале она предположи-

ла, что это пустил слезу кто-то из ее совершенно потерявших присутствие духа спутников и выругала про себя окончательно испортившееся племя современных мужиков.

Однако тут же смягчилась, рассудив, что в данной ситуации впасть в отчаяние имел право не только мужчина, но даже и такая эмансипированная амазонка, какой не без основания считала себя Муха.

Она решила подбодрить товарища, а для начала взглянуть, кто же это раскис?

И замерла.

Барбос с Сержантом недоумевающе таращились на нее, и на их лицах вовсе не было слез.

– Так это не ты плачешь?? – в один голос осведомились оба.

– Нет вроде бы... – озадаченно помотала головой девушка.

Да так и похолодела. А потом побледнели ее товарищи.

Уже давно среди охотников, туристов и иного бродячего народа, путешествующего по всяким диким местам, ходили рассказы о Лесном Плакальщике.

Из уст в уста у костров, когда становится темно и за кругом света, отбрасываемым живым огнем, сгущается первобытная ночь, передавались эти жуткие истории о том, что иногда вот в таких глухих дебрях путники слышат вдруг чей-то жалобный плач и устремляются на помощь неизвестному бедолаге. И больше никогда не появляются.

Плач не умолкал, а с каждой минутой становился даже сильнее.

Все трое переглянулись. Будь у них побольше сил, сломя голову ринулись бы прочь, как лоси. Но сейчас они разве что с трудом смогли бы пройти сотню шагов...

Оставалось лишь два выхода: или сидеть и покорно ждать своей участи, или идти навстречу неведомой опасности.

Первым выбор сделал Сержант, бесшумно поднявшись и со зловещей ухмылкой передернув затвор «дракона».

Рядом с ним встал Барбос, в одной руке которого оказался топор, а в другой нож, коим он собирался открыть консервы.

А несколько секунд спустя к ним присоединилась и Муха, отчаянно припоминая приемы всех видов единоборств, которые ей довелось изучать.

И все трое осторожно двинулись туда, откуда доносились жалобные всхлипывания.

* * *

Поначалу капитан Кириешко проклинал свое самомнение и дурацкое желание сократить путь, толкнувшее его попереть напрямик через треклятое болото. Понадеялся на опыт юности, которую провел в Карелии, дурень!

Потом только матерился про себя. А дальше и на это сил не осталось.

Но тогда, в начале пути, он был бодр и весел, предвкушая

скорый отдых в поселке оленеводов.

Увы, он не понял, что удача отвернулась от него капитально и, кажется, навсегда.

Прошло не более получаса полета, как ни с того ни с сего глайдер вдруг начал терять высоту, а цифры на индикаторах тяги устремились к нулю.

Несколько секунд Кириешко не понимал, что происходит, пытаясь выровнять машину.

Слишком поздно он догадался, в чем дело, и посадка получилась довольно жесткой. Сам капитан не пострадал – мгновенно надувшиеся спасательные мешки уберегли его от ушибов и переломов. Но машина повредилась весьма ощутимо, а главное – сотрясение вывело из строя аппаратуру связи, и без того старую.

Вскрыв двигатель, Кириешко полностью подтвердил свои подозрения: ровно пополам треснула гравицапа¹ – сердце любого глайдера.

Поломка крайне редкая и фатальная – восстановить расколотый кристалл абсолютно невозможно.

В довершение всего разбился его драгоценный ноутбук, через который можно было бы выйти в Глобалнет и связаться хотя бы с центральным офисом родной конторы.

Потом он с нецензурной бранью рылся в багажном отсе-

¹ Гравицапа – жаргонное название кристаллического преобразователя силы тяги – главной детали гравитационных двигателей конструкции Оямы-Антонова. Представляет собой выращенный в особых условиях монокристалл сложного состава (более сорока компонентов).

ке, выкидывая вон разнообразное барахло – от примуса и палатки до завалявшегося за кожухом маневровой турбины пожелтевшего похабного комикса. Передатчика или, на худой конец, мобильной трубки, там, естественно, не было.

Посидев с полчаса в кабине, обреченно созерцая погасшие приборы, Владилен Авессаломович слегка успокоился. Особо бояться ему как будто было нечего. Завтра, максимум послезавтра его начнут искать и быстро найдут – маршрут полета примерно известен.

Но тогда уж определенно ему поставят в вину если и не пропажу Горового (и его собачки), то самовольное оставление наблюдаемых. Чего доброго, еще решат, что он проявил трусость и постарался как можно быстрее покинуть место аварии лайнера.

К счастью, уже падая, Кириешко успел разглядеть в северном направлении речушку, а возле нее – какую-то мелкую деревеньку.

Он прикинул, что до полудня уж точно доберется до нее, вызовет какой-никакой транспорт и вернется к месту падения самолета. А там уже, глядишь, и опаматовавшийся объект вернется, и все будет в порядке.

...То, что обнаруженная им тропинка, которая должна была привести к цели, постепенно сузилась, а потом вообще исчезла среди могучих пихт и кедров, его сперва не насторожило.

Владилен Авессаломович по-прежнему брел в заданном

направлении, вдыхая свежий аромат смолы и багульника, слушая, как перекликаются птицы в кронах векового (и в самом деле, век с небольшим всего) леса. По ветвям прыгали белки, барабанили дятлы, дорогу пересекла непуганая кабарга (он впервые увидел ее живьем)...

Затем птицы, как по команде, смолкли, и наступила тишина...

Кириешко замер, прислушиваясь... И вдруг словно прозрел – вокруг него стоял глухой, страшный лес, в сравнении с которым человек, будь он хоть капитаном самого МГОП, всего лишь букашка.

Он даже сдвинул на грудь лазерный карабин, чтобы в случае чего был под рукой.

Время от времени тревожно озираясь, Владилен Авессаломович двинулся дальше, чертыхаясь, что вроде бы давно уже пора прийти на место...

Казалось, будто все вокруг вымерло. Лишь хрустнет кое-где сухая ветка – то ли от ветра, то ли потревоженная чьей-то ногой, да прошелестят крылья птицы, невидимой в гуще ветвей.

Однажды в просвете кедровых лап мелькнул перепончатокрылый рогатый силуэт, заставивший Кириешко вздрогнуть, оживив на миг все темные предания, которые он когда-нибудь слышал за свою жизнь. (А слышал он их весьма немало.)

Тут же выматерился вполголоса, вспомнив про обитаю-

щих тут рукокрылых.

А река все не показывалась. Даже маленького ручейка для смеху не попало ему по дороге.

Между тем идти с каждым часом становилось труднее, ноги подкашивались от усталости, в ушах все громче отдавались удары пульса.

И чаще напоминал о себе пустой желудок. Сейчас Кириешко с удовольствием полакомился бы даже мясом той самой летучей мыши, что так его напугала.

Мрачные мысли все больше овладевали капитаном.

Один, в тайге, без еды и без компаса...

В свое время он, конечно, прошел в училище стандартный курс выживания, но так то когда было?

Почти все время службы Владилен Авессаломович занимался кабинетной работой, с бумажками да файлами. Обязательные же часы по спецподготовке нередко игнорировал, ссылаясь на занятость.

Вновь хлопанье крыльев, на этот раз за спиной. Причем как будто не похожее на птичье. И летучие мыши, если память не изменяет, крыльями не хлопают.

Капитан резко обернулся, краем глаза успев уловить в ветвях некое движение... Точно между ветвей проскользнул кто-то... Кто-то слишком крупный для летучей мыши, даже самой здоровенной. Может, филин?

Вскоре он окончательно укрепился в мысли, что заблудился.

На некоторое время Владилен Авессаломович сделал привал, усевшись на рухнувший кедр, и мысленно представил себе карту суверенной Эвенкии. Но ничего путного из этого не вышло. Какой прок знать, что ты находишься где-то в квадрате двести на сто кэмэ, именуемом аборигенами урочищем Харр-Басс?

Что с того, что, по оперативным данным, где-то здесь находится и тайный скит древней тоталитарной секты роулианцев? Еще неизвестно, что лучше: заблудиться в дикой чаще или попасть в кровожадные лапы фанатиков.

Вспомнив данные, вычитанные им в дневнике одного из коллег, разрабатывавших это гнездо изуверов, Владилен Авессаломович содрогнулся. Оперативник сообщал, что своих жертв роулианцы живьем скармливают священным совам.

Мамочки! А не одно ли из этих жутких созданий гналось за ним давеча?!

Тем не менее окончательно присутствие духа бравый безопасник не потерял.

Малость передохнув, двинулся в путь, надеясь, что вот-вот деревья расступятся и он выйдет к реке. Все равно к какой. Лазерный карабин позволит легко срубить три-четыре дерева, за пару часов сделает какой-никакой плот, а дальше вода сама понесет его до человеческого жилья.

Когда на его пути оказалось болото, он вздохнул почти облегченно, по крайней мере, летучие мыши, пусть и очень

крупные, в нем точно не водятся.

Вспомнив юношеские походы, Владилен Авессаломович бодро выломал длинную крепкую палку, привычно забросил карабин за спину и прыгнул на первую кочку.

Твердь под ногами заходила ходуном, заколебалась, словно желе, и осела так, что капитан обнаружил себя посередине большой воронки.

Кириешко на секунду растерялся, переступил с ноги на ногу и немедленно начал вязнуть.

Болото довольно забулькало, затем зашипело, выпустив несколько вонючих пузырей.

Опомнившись, он швырнул перед собой шест, встал на него и, подавшись вперед, ухватился изо всех сил за осоку на краю болота. Порезав руки, Владилен Авессаломович все же выбрался на твердую почву и, тяжело дыша, весь перемазанный грязью, задумался: что делать дальше?

Как ни пугала его эта трясина, возвращаться назад ему не хотелось еще больше. Так он рисковал окончательно потерять направление и заблудиться (как будто он уже не заблудился!).

Передохнув, капитан вновь приступил к штурму болота. Он шагал, не останавливаясь, перебираясь с кочки на кочку, которые под тяжестью его тела оседали и колебались. От этого у него перехватывало дыхание и дрожали ноги.

Один раз Владилен Авессаломович промахнулся и вместо кочки угодил ногой в ржавую не приметную лужицу, в кото-

рую провалился по колено.

Кириешко потерял равновесие и, что называется, «ударил в грязь лицом».

Попытался вскочить, но руки не нашли опоры и провалились по самые плечи в трясину. Его спасла лишь палка, удачно легшая поперек живота. Используя ее, он кое-как поднялся и потащился дальше, уже не думая ни о направлении, ни о цели пути.

У него уже подкашивались ноги, а в глазах плавали синие и красные круги, когда, наконец, удалось выбраться на твердую землю.

Владилен Авессаломович просто упал на мох, повторяя про себя: жив, жив, жив!

Так он и лежал, пока к нему не вернулись силы.

Когда Кириешко встал и увидел, куда попал, то не смог сдержать стон отчаяния.

Перед ним сплошной угрюмой стеной стояли ели и пихты, чьи лапы спускались к самой земле, переплетаясь меж собой так, что невозможно было пробраться не то что человеку, но, пожалуй, и кошке.

Капитан затравленно огляделся. Позади болото, впереди непроходимый лес...

Кое-как успокоившись, Владилен Авессаломович двинулся вдоль стены деревьев (он прежде и не думал, что «стена деревьев» – это не просто слова).

Вскоре он нашел место, где можно было подлезть под са-

мые нижние ветви и поползти.

Встав на четвереньки, Кириешко пополз вперед, совсем не задумываясь, как выглядит в столь негероической позе.

Спустя минуту он убедился: его расчеты на то, что такие густые заросли скоро кончатся, оказались тщетными.

Со всех сторон его окружили густо-зеленые сумерки, в которых трудно было различить окружающий мир. Сюда не проникал ни единый солнечный луч, все тонуло в призрачном глухом мареве и мертвой неподвижной тишине.

Капитан потерял ощущение и времени, и пространства, тупо полз неизвестно куда, изо всех сил подавляя желание повернуть обратно (тем более что это было бы очень непросто в этих зарослях).

Один раз он наткнулся на череп какого-то крупного зверя. Он был незнакомых очертаний, с длинными острыми зубами, не похожими ни на что, виденное им прежде.

Сердце уколол страх, и Владилен Авессаломович торопливо пополз мимо, убеждая себя, что это всего лишь медведь или крупный волк...

Когда наконец стало возможно подняться с карачек, он от всей души возблагодарил Бога, которого прежде поминал обычно лишь всуе.

Хотя вокруг была прежняя зеленая полумгла, двигаться стало легче. Правда, по-прежнему неизвестно куда?

Он перебирался через гнилые стволы мертвых деревьев, все чаще останавливаясь.

Однажды Владилен Авессаломович заметил несколько сложенных в грубое подобие алтаря валунов, заросших мхом и при этом светящихся тусклым и холодным светом зелено-вато-синего оттенка. Он убеждал себя, что это свечение наверняка вызвано какими-нибудь бактериями вроде тех, что заставляют светиться гнилушки, но холодок первобытного ужаса бежал по его спине, вынуждая ускорить шаги, чтобы побыстрее покинуть это недоброе место.

Час шел за часом.

И вот Кириешко почувствовал, что уже недалек тот миг, когда он рухнет и больше уже не поднимется.

И пройдет совсем немного времени, и его бранные останки исчезнут под слоем мха и опавшей листвы.

Владилен Авессаломович вспомнил странный череп в зарослях. Точно так же будет лежать и его собственный.

И никто никогда не узнает, что случилось с капитаном госбезопасности Кириешко. Он так и останется «пропавшим без вести при исполнении очередного задания».

И уже через несколько месяцев его начнут забывать...

И никто не пожалеет о нем...

Капитан был одинок, с женой развелся больше десятка лет назад, новой семьей так и не обзавелся.

Сейчас, в преддверии неизбежного и недалекого конца, Кириешко вдруг впервые за свои тридцать пять лет осознал, как, в сущности, бессмысленно прожил жизнь.

Полтора десятка лет занимался совершенно бестолковым

делом, исправно получая чины и немаленькое (ох, весьма немаленькое!) жалованье.

За что? За то, что составлял липовые, полные многозначительных намеков на невесть что отчеты о борьбе с происками духов и призраков?

За то, что годами разрабатывал темы, не стоящие и выеденного яйца динозавра?

Вот сейчас жизнь подарила ему воистину великое чудо – он воочию столкнулся с путешествиями во времени. И что же?

Думал, как выдвинуться на этом деле и получить большую звездочку на погоны!

Суета, суета сует, как выразился в древности один премудрый царь, разочарованно подводя итоги своего долгого и славного правления.

И Кириешко зарыдал.

– Эй! – вдруг донеслось до него из темноты. – Ответствуй, кто еси? Не есть ли ты слуга гнусного Вольдерморта?..

Глава пятая

БАНЗАЙ!

– Мне доложили, что вы собрались совершить некое необдуманное деяние...

– Вот стукачи! Закладывать начальство!

– Не кипятитесь, Охотник. Доклад поступил по иным каналам. Наши оппоненты недовольны вашей, как бы это выразиться, излишней активностью. Они не давали вам столь широких полномочий.

– Акхучье семя! Везде у них шпионы! Но объекты сбились с пути, Старший. Их необходимо найти и вернуть на тропу.

– Нельзя ли прибегнуть к посредничеству людей? Не хотелось бы нарушать и без того зыбкое равновесие, установившееся в наших отношениях с акху.

– Я попробую. Но ничего конкретного обещать не могу. Эти люди... Они такие, такие...

– Увы, Охотник, приходится работать с тем материалом, который имеется под рукой. Вы же понимаете. Правила, конвенции.

– Апоп их подери! Нашим предкам было значительно легче.

– Тем не менее, Охотник, смею вам напомнить, что пять тысяч лет назад они проиграли. Не повторяйте их глупостей.

Лейтенант Муруки Харуками по прозвищу Синий Дракон тревожно рассматривал пробегающие под брюхом его стальной стрекозы ландшафты.

Странно, очень странно.

По его подсчетам, уже давно бы пора показаться базе охотников за мамонтами. Агент сообщил точные ее координаты. Но вертолет уже битых четверть часа кружит над обозначенным радиомаячками местом, а на земле не удалось разглядеть ни одной живой души. Ни людей, ни их трофея.

Определенно что-то стряслось.

Боссы лейтенанта будут страшно недовольны, если он вернется пустым, без груза.

Если бы Синий Дракон не вылетел в одиночку, сейчас бы не было проблем. Высадил десант из десятка штурмовиков, те, рассыпавшись цепью, прочесали бы местность, и дело в шляпе. Однако где их теперь взять, десантников-то? Пожадничал лейтенант. Думал, что сам управится. Решил всю сумму премии положить себе в карман. Шутка ли, двадцать тысяч! И не имперских иен, а полновесных геоларов. Можно спокойно выйти в отставку, купить дом, обзавестись семьей.

Храни, конечно, Аматерасу божественного микадо, но экономист из него никакой. Так бездарно уступить континентальной валюте. Один геолар равен почти двум иенам. Двум! И это при том, что еще совсем недавно, при отце нынешнего императора, все было наоборот. За одну старую

добрую иену давали два новомодных геолара. Где исконный японский патриотизм, спрашивается, где национальная гордость? Осталось еще американскому доллару уступить. Тогда уж точно народ потребует от государя снова отречься от своего божественного статуса, как это сделал в XX веке император Хирохито.

Харуками отвлекся от своих меркантильных раздумий и загрустил.

Плакали его денежки. Какие там двадцать тысяч. Тут бы погоням на плечах уцелеть. Да что там погоням, речь наверняка пойдет о голове. Полковник Миядзаки, черти б его съели, уже оперативно отпрапортовал в Токио, что ответственное правительственное задание выполнено и ценный груз на полпути к Шикотану.

Ну и скандал поднимется!

Синий Дракон на секунду даже зажмурился и едва не врезался в ближайшую громадную сосну. Одну из трех, росших на границе старого хвойного леса и молодого лиственного.

Резко ушел влево и вытер моментально покрывшийся испариной лоб. Пронесло. Хотя...

Может, оно было бы и лучше? Любовое столкновение, вспышка и... небытие. И никакого позора.

«Не раскисай, лейтенант!» – скомандовал сам себе японец и пошел на снижение.

Через двадцать минут, которых хватило Синему Дракону, чтобы осмотреть местность, он уже мог восстановить при-

мерную картину того, что произошло с людьми, нанятыми Курильским НИИ реликтовых животных (читай: биологическим отделом японской военной разведки). Их явно атаковали превосходящие силы противника.

Десяток стреляных гильз японского производства, подобранных Муруки в густой траве, поведали лейтенанту, что охотники вступили в перестрелку, но затем, очевидно, были заброшены гранатами. На поляне виднелись две глубокие воронки.

Потом нападавшие освободили пойманное животное, о чем свидетельствуют брошенные здесь же куски того, что еще недавно было прочнейшей стальной сетью. Любопытно, чем это ее разрезали? Впечатление такое, что тросы попросту перегрызли.

Лейтенант попытался представить себе некое абстрактное животное, которое могло бы проделать подобную процедуру, и невольно рассмеялся. Картинка вышла жутковатой. Достойной комиксов о национальном японском супермонстре Годзилле.

Прикола ради он даже поискал, нет ли где поблизости отпечатков гигантских трехпалых лап. Разумеется, ничего подобного не нашлось. Огромные следы имелись, но принадлежали они большому млекопитающему. Реликтовому слону, воскрешенному из небытия гением российских экзобиологов. Тому самому мамонту ценою двадцать тысяч геоларов, которого Синий Дракон должен был доставить на базу.

Японец скрипнул зубами и продолжил расследование.

Ловко же поставлена у русских зачистка территории. Молодцы. Ни капли крови не осталось, ни клочка одежды. Вообще ничего. Словно и не было здесь никакой бойни.

Но вот как им удалось избавиться от следов техники? Трава нигде не примята. Не пешком же они сюда пришли, а затем удалились? С воздуха атаковали, что ли? Так нет же. Гранаты явно бросали с земли.

Ладно, к дьяволу это все. Самое интересное, куда после освобождения делся драгоценный мамонт? Судя по следам, он преспокойненько удалился восвояси, не сопровождаемый кем-либо из людей. Причем направился в сторону, противоположную той, где, по данным японской разведки, располагался Сибирский Центр восстановления древних видов. Не домой.

И что из этого следует?

А из этого вытекает, что...

«По-моему, на борту имеется контейнер для транспортировки биоматериалов!»

* * *

Разве долго продлится пора гостеванья земного?

Время, как сон, промелькнет,

И «Добро пожаловать!» – скажут

На том свете пришельцу...

Классную песню сложил Носатый. «Похвалой Смерти» именуется. Название, конечно, не очень веселое, но это не важно.

Упуат никогда особенно не вникал в философский смысл того, о чем говорилось в творении его приятеля Тота. Ему просто нравилась мелодия и напевный ритм фраз, звучащих на священном языке нетеру.

Сколько раз бывало, приняв с друзьями пивка или чего-нибудь покрепче, волчок горланил эту песенку назло выскомерному ханже Гору, который то и дело отчитывал неразлучную троицу за непристойное для богов поведение. Хнум обычно оправдывался, что-то жалобно бляя и почесывая крутой бараний рог. Птицеголовый умник Тот отмалчивался. Один Путеводитель грызся с руководителем экспедиции нетеру так, что только перья летели. В переносном, естественно, смысле. Хотя, видит Великий Дуат, не единожды в голову волчка закрадывалась злодейка-мысль потрепать перышки заносчивому Соколу. Только боязнь лишиться законной пенсии сдерживала. И где теперь он, а где его пенсия?

Да, уже давненько Открыватель Путей не пел. Пожалуй, с тех самых пор, как на его голову свалилась вся эта морoka в виде разлюбезного друга-приятеля Даньки Горового.

Что же теперь изменилось? Кажется, устал, как собака. Все болит, ноет. А душа так и просит песни, словно проли-

лась на нее благодатная влага из перебродившего ячменя или фиников.

Неужели все потому, что он едет на широкой лохматой спине мамонтихи с таким нелепым именем Нефернефрурэ? Чем Апоп не шутит, пока Ра в преисподней. Вон как будто даже ломота проходит и усталость потихоньку улетучивается. В самом деле, не обладает ли это животное некими чудодейственными свойствами? Побочный, так сказать, эффект мутации.

Полукровка. Хм. Надо же. Как это они нашли друг друга. Найти бы еще третьего.

Чародей Джеди, старший жрец храма Птаха, владыки Меннефера, где же ты? Куда тебя только Сет занес? Отчего бы тебе не подать знак, вызвав небольшое землетрясение или еще какой-нибудь природный катаклизм? Ты же на это такой мастак. Или твоя волшебная сила действовала лишь на Земле Возлюбленной?

Великий Дуат, но до чего же хочется жрать! Да и выпить тоже не помешало бы. Хоть простой воды на худой конец.

– Эй, подруга! – пролаял он в самое ухо Нефернефрурэ. – Нет ли тут где водоема?

Мамонтиха затормозила так резко, что Упуат чуть не сверзился с ее загривка. Застыв на месте, она вытянула вперед хобот и шумно втянула воздух. Пару минут над чем-то размышляла. Потом удовлетворенно кивнула и резво затрусила вперед.

– Ну ты и даешь, землячка! – только и смог сказать Открыватель Путей, когда некоторое время спустя они выбрались к неширокой речушке, резво журчавшей по каменистому руслу. – Мне у тебя учиться и учиться нужно! Такой нюх!

Фрося скромно потупилась. Что есть, то есть.

А сам волчок меж тем учуял, что поблизости имеется не только питье, но и нечто съедобное.

Сощутив свои желтые миндалевидные глаза, он пристально вгляделся в даль.

Ага, вот оно. На ловца, что называется, и жаркое бежит.

– Трогай! – коротко скомандовал он своей ездовой «лошадке».

Мамонтиха послушалась.

Метрах в ста от того места, где они выбрались из тайги, прямо на берегу речки была разбита палатка, возле которой весело полыхал огонь. На стальной перекладине, перекинутой меж двух врытых по обе стороны костерка костылей, висел булькающий котел, из которого доносились обалденные запахи.

Упуат хищно облизнулся.

Мясной бульон. Вот идеальный восстановитель сил для бедного, изможденного непосильными трудами нетеру.

– Эй, есть там кто-нибудь?! – зычно окликнул волчок.

Навести морок, приняв какой-нибудь иной облик, он пока был не в состоянии. Но понадеялся на то, что впоследствии сумеет-таки изъять из памяти встречного-поперечного свой

незабвенный образ.

На его зов поначалу никто не откликался. Затем полог палатки, сшитой, как на глазок и по запаху определил волчок, из оленьих шкур, откинулся, и изнутри на четвереньках выползла некая личность. Запрокинув голову вверх, она (или он) уставилась на высящийся рядом с костром монумент в виде огромной косматой туши с хоботом и грозными бивнями.

– Т-ты х-кто? – заплетающимся языком проблеяло существо. – И отк... ик... куда яв-вился? Из Угу Буга, Верхнего м-мира, или Хэргу Буга, м-мира Н-нижнего?

– Это как посмотреть, – задумался Упуат. – Можно сказать, что из обоих сразу.

Личность села на корточки и замерла. Было видно, что в голове ее происходит напряженная мыслительная деятельность.

– Т-так не-е быва-ат, – резюмировала наконец. – Или то, или другое. Сорок лет шам-маню-у, а т-кого не слых-хал.

Пошатываясь, существо встало на ноги, и Упуат увидел, что перед ним мужчина, облаченный в плащ, нагрудник и унты.

– И в-ваше, м-мамонты не раз-разговариваут, – заявил хозяин палатки. – Я еш-ше н-не впал в ся... священ-ный... ик... транс!

– Впал, впал, – подтвердил Открыватель Путей, спрыгивая со спины Нефернефрурэ. – Я это тебе ответственно за-

являю.

– Д-да? – покачал головой шаман.

Нетеру отпустил Фросю на водопой, и та с радостью устремилась к речке. С шумом и брызгами войдя в воду, мамонтиха принялась весело плескаться.

– Красиво! – уже чуть протрезвевшим голосом молвил шаман.

«Э, нет, так дело не пойдет!» – встревожился его четвероногий гость.

– Слушай, как тебя...

– Тэр-Эр-Гэн, – ответил хозяин. – Ч-четвер-тый, ик... – уточнил, немного подумав. – Вер-хов-ный шам-ман эв-вен-ков!

«Ничего себе! – присвистнул про себя волчок. – Первооткрыватель ЭРЛАПА!»

Как же здесь оказалась птица столь высокого полета? Не может быть, чтобы такой большой человек, верховный жрец, находился один в пустынной местности.

Впрочем, тон, взятый в начале разговора, Путеводитель решил не менять. Как-никак он небожитель, а эвенк, хоть и глава местечковой жреческой коллегии, но всего лишь человек. Однако ухо следует держать востро. Аура этого Тэр-Эр-Гэна показывает, что он малый не промах. Силен. Да и слуг, могущих отираться неподалеку, сбрасывать со счета недальновидно.

– А я Проводник, Открыватель Путьей, – представился. –

Вот и познакомились!

Верховный шаман кивнул, а сам глядел на говорящего черного пса бука букой. Постояв так некоторое время, он шагнул в свою палатку и вернулся уже в шапке, украшенной оленьими рогами, с бубном и колотушкой в руках.

Протянув бубен к огню, Тэр-Эр-Гэн слегка нагрел его, а затем легонько ударил по натянутой коже колотушкой. Прислушавшись к тихому звону магического предмета, эвенк ударил еще раз, потом и третий. Что там ему сказали его духи, Упуат не разобрал, но, очевидно, что-то хорошее. Потому как шаман вдруг озорно и по-доброму улыбнулся волчку и, кивнув на котелок, спросил:

– Присоединишься к моей трапезе, гость издалека?

– Спрашиваешь! – радостно протявкал Путеводитель.

Эвенк отложил в сторону орудия своего волшебства, превратившись в гостеприимного хозяина. Из походной торбы он извлек две металлические миски (как отметил нетеру, золотые), вилку и нож для себя, несколько лепешек и нечто, плещущееся в большой зеленой четырехгранной бутылке, при виде которой сердце волчка учащенно забилося.

Деловито разлив по мискам крутой, пахнувший неведомыми травами бульон и нарезав туда же по приличному куску мяса, шаман потянулся к штофу. Отвинтил пробку, понюхал, при этом вкусно причмокнув. Скосил глаз на Упуата:

– Ты как, Проводник?

– Ну...

– Понятно.

Из кармана своего плаща Тэр-Эр-Гэн добыл махонькую неглубокую мисочку, плеснул туда из бутылки и поставил на траву перед волчком.

– За знакомство! – хищно припал он к горлышку штофа.

– Х-хор-р-роший ты мужик, Тэр-р-р-Эр-р-Гэн! – сытно отрыгнув, прорычал Упуат, когда жидкость в заветной бутылке закончилась.

– Не сп-порю-у, – подтвердил шаман, уже вошедший в глубокий транс.

– Только к-какой-то гр-р-рустный.

Эвенк глубоко вздохнул.

– Или потер-р-рял ч-чего?

– Ага! – согласился. – Но не ч-чего, а к-кого.

– И я тоже, – обрадовался Путеводитель.

– Дав-ваай вместе искать, – предложил шаман.

– Д-давай. А как?

Тэр-Эр-Гэн потянулся было к бубну, но затем махнул рукой. Встав на четвереньки, он заполз в свой чум, но вышел из него на двух ногах, торжественно неся перед собой на вытянутых руках резной деревянный посох. Внизу этот жезл заканчивался то ли оленьим, то ли лосиным копытом, а венчала его рогатая, наверное, лосиная голова.

– Поз-накомься! – протянул его Упуату. – Эт-то м-мой Пров-водник!

Волчок ткнулся носом в деревяшку. Пахло специфиче-

ски. Бесспорно, в посохе таилась сила.

– Щас кам-лать буду! – заявил шаман. – Внуч-чку искать стану, Эйяно... Проворонили, г-гады.

Погрозил кому-то своим жезлом.

– Ушла в лес и не... и не верну... лась. Как бы не об-бидел кто. Я их тогда с-сам так об-бизу...

Снова угроза посохом неким невидимым силам.

– А у меня др-р-руг пр-р-ропал, – пригорюнился Открыватель Путей.

– Н-не боись-сь, – успокоил собутыльника колдун. – Найдем. Ты з-закрой глаза и п-редс-ставь себ-бе своего д-друга.

– Не поможет, – безнадежно отмахнулся хвостом нетеру.

Шаман сделал многозначительный жест рукой. Дескать, не торопись, увидим.

Присев у костра и вцепившись костлявыми руками в посох, Тэр-Эр-Гэн Четвертый начал негромко напевать. Чуткое ухо Путеводителя отметило, что шаманов язык внезапно перестал заплетаться, словно старый колдун лишь притворился пьяным:

Бог мой, хозяин мой, сюда иди, предков зови.

Мои десять чумов, моя серебряная жена

Колтаркичан, моя мать,

Сюда бегите вместе, я начну вам жаловаться.

Хозяин леса, Отец мой, сюда приходи, здесь сядь,

Мы мяса тебе дадим...

Упуат вдруг почувствовал приближение чего-то чужого. Шерсть на его загривке встала дыбом.

И вели твоим духам-невидимкам мне тоже служить.

Я здесь играть буду, а они пусть в лес идут, свою мать-лягушку зовут.

Над верхом сосен поднимитесь, на Небо смотрите,
На Тайгу смотрите, на болота смотрите. Нам пропажу сыщите!

Золотисто-оранжевая вспышка. И Проводник увидел.

Какое-то полутемное, бревенчатое помещение. Дверь с небольшим зарешеченным окошком. На полу лежит связанный человек. Над ним кто-то склонился. Эх, присветил бы кто.

Словно услышав его, склоненная фигура вздрогнула и повернула свое лицо... к Упуату. Неужто... видит?

Тем временем в помещении стало светлее. Ненамного, а так, будто зажгли свечу или лучину. Великий Дуат, это кто ж такие фортели выкидывает?

Уже можно рассмотреть, что сидит совсем еще юная девушка. А связанный человек у ее ног – не кто иной, как... Ну, конечно, кому ж еще там лежать, как не Даниилу Сергеевичу Горовому! Знал же, знал, что тот обязательно во что-нибудь вляпается...

Снова вспышка, и картинка исчезла. Но Упуат уже засек нужное направление. Не зря же он зовется Открывателем

Путей.

– Ну, все, – решительно заявил он, стряхивая остатки видений, – мне пора.

Тэр-Эр-Гэн ничего не спрашивал, только устало кивал головой. Видно было, что камлание изрядно его утомило.

– Присмотришь за моей подружкой? – ткнул волчок носом в сторону мамонтихи.

– Будь спокоен, – еле слышно прошептал старик. – Я знаю, где ее стойбище.

– Спасибо. За свою девчонку не опасайся. Выручу и ее. Хотя, как я погляжу, она и сама за себя может постоять. Не пойму только, чего ждет. Разве что...

Он недоговорил, пораженный внезапной мыслью. Неужели девушка не уходит из-за Даньки. Вдвоем-то им, конечно, не сбежать.

Хм, хм.

– Ладно, сенеб – радуйся! – попрощался Упуат с шаманом по-египетски.

Однако уйти с миром волчку не дали.

* * *

Отлично! Он таки обнаружил пропажу!

Вон резвится себе в речке, как дитя малое.

Муруки Харуками быстро осмотрел близлежащую местность.

Так. Какая-то палатка. Костер. У костра мужчина с собакой. Не иначе пастух. Только кого пасет, не видно. Не мамонта ли?

Лейтенант осклабился.

Сейчас он задаст им жару.

– Банзай! – заорал японец что есть мочи и кинул вертолет вниз.

Сначала снимем пастуха.

Палец нажал на гашетку пулемета. Безжалостные свинцовые градины устремились вперед, к земле.

Тьфу ты, промазал! Только палатку продырявил, и все. Какая-то пелена глаза застит.

Еще одна очередь.

И мощный толчок извне, сбивший машину с курса. Что такое?! Откуда водяной шквал?

Лейтенант развернул свою стальную стрекозу хвостом к палатке.

Здоровущая струя воды ударила прямо в лобовое стекло. Пришлось включать водоотталкиватель.

Когда видимость нормализовалась, Харуками глянул перед собой и невольно ругнулся. Это же надо такое придумать.

Мамонт в роли водомета! Кто надоумил бессловесное животное набрать в хобот воды и пульнуть ею в вертолет? И с какой силой!

Такую хитроумную скотину, право же, и убивать жалко. А

что поделаешь, кто возместит лейтенанту его кровные двадцать тысяч геоларов? Кто станет кормить его будущую семью?

– Банзай! – вновь истошно завопил Муруки и поперхнулся.

– Чего орешь? – спросило нечто, похожее на большого черного волка и парящее вровень с кабиной его вертолета.

Японец тонко и пронзительно завизжал.

– Ворон распугаешь! – осклабился волчара. Из его глаз вырвались два желтых луча. Слились в одно густое облачко, устремившееся прямо в лицо Муруки Харуками...

– Да, землячка, – прищурился на Нефернефрурэ Путеводитель. – Вижу, что без тебя мне никак не обойтись.

Фрося скромно хрюкнула. Рада, мол, стараться.

Глава шестая

КАПИТАН ПРОТИВ МАГОВ

– Старший, я снова прошу позволения лично отправить-ся в квадрат ХБ-4 для контроля над завершающим этапом операции.

– Извините, Охотник, но чем вызвана ваша чрезмерная активность?

– Исключительно беспокойством за исход дела.

– Да? А мне показалось, что вы вообще равнодушны к этому району и его коренному населению. Что случилось? Неужели вы стали таким сентиментальным?

– Намекаете на мое участие в эвакуации аборигенов во время глобальной катастрофы?

– Участие? Не скромничайте, не скромничайте. Ведь это вы фактически спасли эвенков от неминуемой гибели. Невзирая на откровенное недовольство наших оппонентов.

– Итак, Старший?..

– Что с вами делать, летите уж. Но не перегибайте палку.

Вопреки тому, как принято описывать подобные ситуации в скверных детективах, ужас вовсе не пронзил капитана при этих словах, и душа его не ушла в пятки, хотя он догадался, с кем довелось столкнуться в этих гиблых местах.

Даже напротив, на мгновение Владилен Авессаломович

испытал некое облегчение: по крайней мере, теперь не надо никуда бежать, ни о чем волноваться, и он хотя бы сможет отдохнуть (пусть даже и в плену).

Но уже через минуту жалкий измученный человек был побежден офицером МГОП.

Он придал своему лицу выражение наибольшего отчаяния и слабости (прямо скажем, особых усилий для этого не потребовалось).

И медленно, осторожно, повернулся.

При этом ремень карабина как бы невзначай соскользнул с плеча на локоть.

Противников у него оказалось трое.

Крепкий высокий парень, чье розовое лицо не было отмечено излишним интеллектом (да и вообще каким-нибудь), вооруженный тяжелым двуручным мечом. Заросший до самых глаз бородой мужик лет пятидесяти с допотопной двустволкой, которая была направлена на Кириешко. И седой, но еще вполне в соку дед с массивным посохом. У парня на плече сидела крупная, раскормленная совища, чей вид не внушил Кириешко оптимизма.

– Ружьишко-то брось, однако, – то ли попросил, то ли приказал бородатый, назидательно поводя своим самопалом туда-сюда.

– Да, конечно, сейчас, – закивал Кириешко, стряхивая «Блитцер» на землю.

Когда ремень достиг запястья, капитан резко подбросил

руку вверх, одновременно резко уходя с линии огня. Еще через миг его ладонь поймала в воздухе приклад карабина, палец лег на гашетку, и почти невидный в свете солнца луч вонзился прямо в бородастую харю сектанта.

Прежде чем мертвец рухнул наземь, так и не успев выстрелить, парень, что-то возопив, поднял над головой меч и, выписывая им умопомрачительные кренделя (от которых мгопник мог легко уклониться даже в своем нынешнем состоянии), устремился в атаку. Сова взмыла с его плеча и заполошно начала метаться над поляной.

Лазерное оружие отличается тем нехорошим качеством, что между двумя выстрелами должно пройти не менее трех секунд. Поэтому от налетевшего, подобно быку, роулианца капитану пришлось уходить в перекате.

Прوماхнувшись, парень, то ли впад в боевое безумие, то ли просто не сумев остановиться, пробежал еще несколько шагов и со всей дури рубанул по старому кедру. Лезвие, как и следовало ожидать, намертво заклинило.

Завыв дурным голосом, парень принялся дергать ушедший глубоко в древесину клинок.

Увлеченный этим зрелищем, Владилен Авессаломович позволил себе забыть о старикашке. И совершенно напрасно.

Слишком поздно почуяв опасность, он сумел лишь заслониться карабином от падающего сверху посоха. Палка угодила вскользь по пальцам, и капитан, заорав от неожиданной боли, перестал чувствовать кисть. Оружие отлетело, Ки-

риешко инстинктивно кинулся за ним и тут же откатился в противоположную сторону: окованное железом острие клюки прошло в считанных сантиметрах от его головы.

С полминуты старый хрен с неожиданной для его возраста прытью гонял задыхавшегося офицера по поляне, не давая ему схватить вожаденный «Блицер». Владилен Авессаломович терял силы с каждой секундой. Он уже пропустил несколько ударов, пришедшихся по ребрам. Ситуация становилась все пакостней. В любой момент либо парнишка мог освободить свой меч, либо старец, изловчившись, дать ему под дых или по голове.

Внезапно атаки прекратились, дед проворно отбежал назад, опуская свой жуткий посох... Кириешко понял, в чем тут дело, только тогда, когда его противник с торжествующим хохотом кинулся наземь и ухватил вполне готовый к употреблению карабин.

Дуло излучателя начало неторопливо подниматься на уровень живота капитана, потом на уровень груди... И вот уже оно смотрит прямо в глаза Владилену Авессаломовичу.

А потом вдруг вся верхняя половина тела седого исчезла в оранжевой вспышке, и оглушительный грохот больно ударил в уши.

Не будь Кириешко столь измучен, он бы изумился до глубины души. Именно так выглядит взрыв запрещенного всеми международными законами термобарического заряда.

Инстинктивно осмотревшись, офицер безопасности

все-таки был поражен увиденным. На краю поляны стояли три человека, одетые в стандартный камуфляж – вот уже скоро как двести лет любимую одежду всех туристов.

У одного – не первой молодости, но подтянутого типа – в руках дымился «дракон» и самое страшное ручное оружие, когда-либо изобретенное человеком и тоже запрещенное к производству приснопамятной Конвенцией о гуманных и человеческих способах ведения боевых действий.

В этот момент совершенно потерявший голову парень, издав совсем уж запредельный вопль, бросил терзать несчастный меч и, потрясая кулаками (каждый чуть меньше арбуза), кинулся на новых противников.

Вновь выпалил карабин – и промазал.

За спиной Кириешко бабахнуло, и треск падающего дерева известил о печальной судьбе лесного великана, которому не повезло принять удар запрещенного оружия на себя.

Оказавшегося на пути роулианца второго из спасителей, молодого мужика с топором, как ветром сдуло. Кириешко так и не понял: то ли нападающий его отшвырнул, то ли тот успел убраться сам.

Рева, как носорог, парень оказался перед третьей туристкой – невысокой скуластой девчонкой, в руках которой ничего не было.

Казалось, он снесет ее, как пушинку, даже не заметив хрупкой преграды.

Но не тут-то было! Высокий прыжок и не менее высокий

крик – и подошва ее болотного сапога встретила оскаленное в безумной ярости лицо сектанта. Одновременно второй сапог таежной путешественницы ударил его под дых.

И вот уже почти двухметровая туша безжизненно растянулась на траве, а девчонка, ловко перекувырнувшись в воздухе, аккуратно приземлилась на обе ноги.

Тут сова, видать разобравшись своими птичьими мозгами, кто друг, кто враг, заухав, кинулась на девчонку, метя когтями ей в глаза. Та проворно кинулась на траву, пропустив грозную птицу над собой, а потом сорвала шляпу и метнула навстречу развернувшейся для новой атаки хищнице.

Серый ком перьев упал на траву, и подскочивший Барбос накрыл сову курткой, тут же туго спеленав.

Сражение закончилось.

Некоторое время Кириешко и странная троица смотрели друг на друга, не зная, видно, как начать разговор.

Наконец капитан сунул руку за пазуху штормовки (ствол «дракона» как бы невзначай передвинулся в его сторону) и продемонстрировал сияющее голограммами удостоверение МГОП.

Печально усмехнувшись, старший турист бросил карабин и опустился на траву, протягивая руки привычным жестом, словно предлагая надеть наручники.

Но именно в этот момент офицер меньше всего думал о том, чтобы кого-то арестовывать или даже спрашивать, в чем вообще дело и кто они такие?

Ибо узнал куртку, которую напялил на себя валявшийся без сознания хлопец.

Это была очень приметная куртка: оранжево-зеленая, с дурацкой картинкой на спине – летящий в небесах Карабас-Барабас, в бороду которого вцепился размахивающий мечом витязь Буратино.

Именно в нее был одет Даниил Горовой, когда Владилен Авессаломович видел его в последний раз...

...Уже третья плитка шоколадно-соевого концентрата была сгрызена капитаном и запита последней банкой безалкогольного пива. А перед этим была съедена банка креветочного паштета и целая пачка галет. Барбос только вздыхал, провожая глазами исчезающие запасы сталкеров.

Утолявшего волчий голод капитана не смущали даже лежавшие неподалеку трупы сектантов, не радовавшие, надо сказать, ни взгляд, ни обоняние.

Очнувшийся пленник белыми от ужаса глазами молча взирал то на «туристов», то на трупы и лишь время от времени подергивался, инстинктивно проверяя крепость шнура, которым его скрутили.

Между тем Кириешко, энергично работая челюстями, работал еще и головой, прикидывая планы на ближайшее будущее.

История незадачливых искателей сокровищ была повторена уже трижды – каждым из участников. Особо она капи-

тана не взволновала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.